

18+

АЛЕКСАНДР АРИСТАРХ ЗАХАРОВ

**ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ
БЫЛИ КРЫЛЬЯ**

Александр Захаров

Если бы у меня были крылья

«Издательские решения»

Захаров А. А.

Если бы у меня были крылья / А. А. Захаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964434-3

Людам свойственно мечтать. Но не все знают, как осуществить мечту. Еще меньше людей думают, что будет, если их мечты сбудутся. Не думала об это и обыкновенная девочка по имени Вика, родом из Горно-Алтайска. Она просто по-детски мечтала иметь настоящие крылья и стать звездой. И как-то раз, в знак благодарности за доброе дело и проявленную отвагу, ей представился шанс их получить. Но не от «доброй феи», а от подруги, от которой этого можно было ожидать меньше всего. Как изменилась ее жизнь?

ISBN 978-5-44-964434-3

© Захаров А. А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	9
Глава 1. Начало	10
Глава 2. Обыкновенная девочка	11
Глава 3. Случай меняет людей	29
Глава 4. Чудеса случаются	36
Глава 5. Тренироваться надо!	43
Глава 6. Школа реальной жизни	50
Глава 7. Первый полет	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Если бы у меня были крылья

Александр Аристарх Захаров

Редактор Вероника Кузьмина

Редактор Светлана Мотевич

Редактор Ольга Зайцева

Дизайнер обложки Инесса Савельева

Иллюстратор Светлана Мотевич

© Александр Аристарх Захаров, 2023

© Инесса Савельева, дизайн обложки, 2023

© Светлана Мотевич, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4496-4434-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Мысли Виктории» Художник: Светлана Мотевич

Художники:

Инесса Савельева (https://vk.com/inka_tushkanchik)

Светлана Мотевич (<https://vk.com/id96241849>)

Редакторы:

Вероника Кузьмина (<https://vk.com/id309634633>)

Светлана Мотевич (<https://vk.com/id96241849>)

Ольга Зайцева (<https://vk.com/olga.azarenko.music>)

ВНИМАНИЕ!

Настоящий роман снабжен музыкальным сопровождением.

Автор музыки и текста, а также вокал – Александр АРИСТАРХ Захаров.

Песня «**Как крылья за спиной**» (**Like Wings Behind Your Back**) исполнена в нескольких версиях:

Оригинальная Рок-версия метал-проекта Aristarh (АРИСТАРХ), Дуэт-версия метал-проекта Aristarh (АРИСТАРХ) с участием Анны Моисеевой, Поп-версия электронного проекта Aquatory https://vk.com/music/playlist/-123600477_7_ddee02318da9416591

Все права на все материалы защищены и принадлежат Автору.

Запрещены любые экранизации, сиквелы, использование сюжета или его частей без письменного согласования Автора или его законных представителей.

Александр АРИСТАРХ Захаров

От автора

В жизни любого человека есть место чудесам. Но не многие знают, что для этого сначала нужно самостоятельно стать чудом. Одни чудес не видят, потому что не способны на поступки. Другие – просто невнимательно смотрят на тех, кто с ними рядом. Оттого и слепы к чуду, что у них буквально перед носом. Третьи пытаются объяснить чудеса фокусом, технологиями, логикой и прочими науками, загоняя всё в рамки вместо того, чтобы насладиться чудом...

В жизни девушки по имени Виктория чудес хватило. Более того, вся ее жизнь однажды превратилась в одно сплошное чудо.

Глава 1. Начало

Полумрак и тишина в секретной системе подземных тоннелей была нарушена мелькающим светом фонарей и грохотом быстрых шагов. Вика изо всех сил тащила раненого друга к выходу, попутно уходя от преследования. Неровная поверхность пола старого тоннеля не давала бежать быстрее. Да и тьма в таком месте не помощник, а свет, увы, только от фонарика... Опасность буквально дышала в спину, заставляя ускоряться по мере сил. В тот момент ей казалось, что лабиринт бесконечен. Выход только один: нужно было пробраться к вентиляционным шахтам, по которым они сюда проникли. Наверняка преследователь отстанет, когда удастся выбраться из этого мрачного подземелья...

Ребята понимали, что это приключение может сулить неприятности, но никто не думал, что придется уносить ноги, ни много ни мало, от самой смерти. Дыхание Вики сбивалось, холодный и влажный воздух подземелья буквально лишал возможности дышать, но бежать нужно было изо всех сил. Парень истекал кровью, но все же благодаря помощи и подбадриванию Вики был в сознании и продолжал бежать, не теряя скорости. Возможно, если бы у Вики не было пары бело-сизых крыльев за спиной, не было бы и столько отваги и смелости, которые позволили ей не окаменеть от страха, а быстро среагировать на опасность – благодаря этому они убегали прочь вместе. Позади в кроссовом помещении слышались стрельба и крики. Вика понимала, что как только они стихнут, возможно, спастись им уже не удастся. Но пока время еще было.

Туннель был довольно просторный, Вика могла бы взлететь и мгновенно добраться до нужного места, если бы не раненый друг. Но бросить друга в беде?! Нет! Мужество, воспитание, совесть – всё моментально восставало в её душе против такого поступка.

Наконец они добежали до двери в вентиляционную шахту: за этой стальной дверью был технический коридор, где можно было забаррикадироваться и перевести дух. Едва забежав внутрь и заперев дверь, Вика поспешила помочь товарищу перевязать ногу – он был еле жив из-за большой потери крови. Быстро раздрав ткань костюма и ловко скрутив из неё жгут, Вика постаралась перетянуть рану. Его нужно было срочно доставить в больницу, но как выбраться?! Подняться по веревке сам он уже не мог, а поднять его на крыльях – была не в силах уже Вика.

Девушка дрожала от страха, от ужаса ситуации, в которой они очутились, и от собственного бессилия. Отдышаться никак не получалось, хотя она старалась успокоиться и не паниковать. Для этого было не время! И все же бело-сизые крылья за ее спиной, все перепачканные от беготни по туннелям, тряслись, выдавая ее состояние. С собой у нее был небольшой сундучок. Что в нем – она узнать не успела, но именно он был целью этого путешествия, и именно он был причиной опасности, идущей теперь за ними по пятам. Стоил ли он всего того, что случилось? Тогда это ещё предстояло выяснить, если удастся спастись...

Нужно было срочно что-то делать, но Вика терялась, мысли путались и сбивались, она не знала на что решиться.

«Как же быть?! Черт!! Бежать? Нет! Лететь? Нет! Где чудо, когда оно так нужно?!» – в панике думала она. Но чудо всё никак не свершалось и, как назло, кроме нее принимать решение было некому: друг был едва в сознании. Внезапно она вспомнила, что похожая ситуация уже приключалась с ней. Правда, это было давно... Память, как мгновенная вспышка, на сотую долю секунды затмила происходившее в тот момент.

Глава 2. Обыкновенная девочка

Эта история началась в Республике Алтай.

В городе Горно-Алтайск на улице Гоголя жила девочка по имени Вика. Обаятельная, привлекательная, но вполне обыкновенная школьница одиннадцати лет, ученица обыкновенной школы номер тринадцать.

Район располагался в лесостепи, не так далеко начинался Алтайский хребет из запovedник. Свежий воздух был в избытке. Живописная и чистая природа, мало машин, все друг друга знают. В городе чаще всего встречались коттеджи и деревянные дома. Было также несколько многоквартирных малоэтажных зданий. В центральном районе появлялись и многоэтажные дома, но тоже невысокие из-за сейсмической активности в регионе.

Дом Вики был коттеджного типа, с небольшим двором, садом и несколькими сараями. Раньше был огород, но из-за того, что в городе стало больше магазинов, скоро он стал почти не нужен. Остались разве что пара грядок с зеленью да несколько клумб с цветами, за которыми ухаживала мать. Неподалеку от Викиного дома начиналось поле, а чуть дальше – лес. Восточнее текла речка, одна из притоков реки Катунь.

Вика росла хорошей девочкой, воспитанной, умной, волевой. Очень любила животных. Была доброй, к тому же необычайно красивой. Темные, немного выющиеся, волосы обрамляли миловидное острое личико, сочетавшее европейские и восточные черты, обаятельную улыбку подчеркивали ямочки на щеках. Уникальности её облику добавляли зелёные глаза – редкие для такой внешности. Букет всех этих украшений умилял сердце не хуже, чем взгляд котика, который выпрашивает мясо. От горожан и знакомые часто называли Виду «Ангелом», что ей, безусловно, очень нравилось. Вика во всём старалась соответствовать этому образу и, со временем, прозвище прижилось. Правда, со временем, стали это говорить скорее с сарказмом.

Воспитанием Вика в первую очередь была обязана отцу. Григорий сам был волевым человеком, сильным не только физически, но и морально. На первый взгляд, этот широкоплечий коренастый мужчина с небольшой бородкой и серьёзным взглядом, казался чересчур строгим. Не мудрено: за всю свою жизнь он не бросил даже слова на ветер.

Его девиз был: «Цель и мотив оправдывают средства, если они благородны и устремлены вперед!». Потому без сомнений и дивясь перед ним мог с завидным упорством и без усталости. Впрочем, эта суровость, это впечатление несколько сглаживалось при разговоре с ним: Григорий был не только очень умен и начитан, но и легко располагал к себе, был приятен в общении. Уроженец Алтайского края, инженер по профессии, он переехал в Республику Алтай по направлению крупной компании, ещё до знакомства с Эрке – матерью Вики.

Мать Вики была настоящей восточной красавицей. Она была невысокого роста, но незаметностью не отличалась: она без труда оказывалась в центре внимания благодаря своей активности и искренней улыбке. Полностью её имя звучало как Энэрке (от алтайских слов «эне» – мать и «эрке» – ласка, ласковый). Но Григорий, также, как близкие и друзья, звал её просто Эрке. А когда хотел подразнить – называл Ирккой.

Эрке была экологом не только по профессии, но и по призванию: её восхищала природа Алтая, она любила горы, животных, ей нравилось бывать в экспедициях, она судовольствием участвовала в собраниях Краеведческого сообщества и неплохо разбиралась в истории отдельных районов огромной республики. Эту любовь к природе и любознательность затем в полной мере унаследовала её красавица-дочка.

Несмотря на свою активность и неутомимость, характер Эрке всё же был неоднозначен. Она казалась непреклонной и хладнокровной, но, на самом деле, очень остро чувствовала антипатии в свой адрес и была легко ранима. С одной стороны, чувствуя поддержку, она могла с

завидным упрямством идти к намеченной цели, с другой — боялась остаться одна и полностью самостоятельных решений. Поэтому от нее можно было услышать как, особенно в конфликтах: «Не стой у амурского тигра на дороге, а то ноги домой придется в рюкзаке нести!», так и: «Давайте не будем такими резкими в суждениях! Всегда можно договориться!». Редким ее качеством было то, что она была, как и Григорий хозяйка своему слову. То есть отвечала за все что-то когда-то наговорила, даже если скандалила.

Всеми она всегда полагалась на мнение мужа, как главы, хотя и делилась своими размышлениями.

— Эрке, я тут подумал, что в ванной «теплый пол» можно поставить. А то выходишь из душа и простудиться можно! Особенно зимой! — говорил Григорий.

— Не стану спорить с тобой, дорогой! Правда замечу, что во всем доме было бы неплохо пол утеплить. Может тогда и «теплый пол» в ванной не нужен был бы! — парировала Эрке, чем практически всегда заставляла мужа задуматься.

Поговорка «он — голова, она — шея» было про эту пару.

Когда Эрке оставалась за старшую, она брала правление на себя и спуска никому не давала. Правда только в тех вещах, которые были ей знакомы, одобрены и приняты главой семьи ранее. Например, однажды, когда Григорий попал в больницу с аппендицитом, а на их участке шло возведение большого дома, бригадир и строители стали халатно относиться к работе и срывали сроки. Эрке плохо понимала строительство, но обратила на это внимание. Не за горами была осень и оставшись без поддержки ей пришлось ночами штудировать книги, днем опрашивать знакомых, а когда Григорию стало лучше, то ездить к нему на консультации, чтобы разобраться в процессе. В конечном счете она буквально заставила мужиков прекратить пить и начать нормально работать. Она неотступно следила за качеством сборки и расходом материалов, иногда эффектно подлизывалась, иногда «включала стерву». А когда Григорий вернулся, поспешила отойти в сторону, уступая место лидеру.

Эрке, получив высшее образование, успешно преподавала в местном ВУЗе, была кандидатом наук по экологии и окружающей среде. В работе сказывалась вся твердость ее характера — это был суровый, но справедливый педагог.

Особенно это касалось студенческой практики: студенты должны были любую контрольную работу подкреплять практическими наработками «с полей», иначе не только «зачет» нельзя было получить — работа просто не принималась.

При разговорах со студентами о предварительных итогах курсовых от Эрке можно было услышать разнос: «Мы не в наперстки тут играем! Нет аргументов, подтвержденных фактами — иди и ищи! Хоть из-под земли! Тему менять не дам! Сам взял, я не просила! И не надо «ля-ля» мне тут, что думал, что это просто проходной зачет!!!» — снабжая это еще и жестами, вполне было в ее духе за неделю до итогового тестирования. Со стороны это могло быть смешно, как низкорослая девчонка отчитывает здоровых парней и девчонок, но никто и хихикнуть не смел. Иначе хуже будет.

Студенты очень часто ездили в заповедник, участвовали в экспедициях и доставляли в ВУЗ актуальные сведения об экологии и изменениях окружающей среды. В будущем одним из них предстояло стать видными учеными, другим — организовать бизнес на родной земле и развивать край...

Раньше, еще до переезда, Григорий был ведущим инженером-разработчиком в аэрокосмической отрасли. Но в «лихие девяностые» работу пришлось менять. По добром знакомству он попал в нефтегазовую индустрию, занялся проектами по добыче и транзиту сырья.

Судьба настолько не связанных между собой людей однажды соединил случай. Григорий приехал проектировать на Алтае транзитный газопровод, а Эрке, наряду с ведущими экологами, отстаивала сохранение и неизменность природы родного края. Ожесточенных споров, как на собраниях, так и вне их, было много. Но мало кто знал, что на фуршете, организованном еще

на первом этапе переговоров, между Григорием и Эрке проскочила искра. Большому и грозному Григорию сразу понравилась миниатюрная, но невероятно смелая, бойкая и прорывная Эрке. Искры разгорелось пламя, изменившее жизнь двоих людей и в дальнейшем подарившее миру Вику.

Несмотря на скоротечный роман и без раздумий принятые решения – к переменам в своей жизни и созданию семьи оба подошли основательно, и ни один из них ни о чём даже на секунду не пожалел. Они поженились ещё до рождения Вики. Беременность Эрке заставила обоих родителей пересмотреть развитие своей карьеры. Чтобы снизить нагрузку и больше времени уделять семье, Григорий передал проект по транзиту и перешел в отдел кураторов по газификации. Это было явным спуском по карьерной лестнице. Однако действительно любящий муж и отец пойдет ради семьи на всё. В дальнейшем он старался не обделять вниманием своих домочадцев, всегда интересовался успехами супруги и дочери, вывозил на совместные прогулки, уделял время работам по дому. По тем же причинам Эрке оставила преподавательскую деятельность и возглавила туристическую базу. Семья для неё также была важнее карьеры.

Днем, как водится, у каждого члена семьи были свои заботы и дела: у родителей – работа, у дочери – школа. А вот вечером вся семья по традиции собиралась для особого ритуала: за большим круглым столом в гостиной устраивалось чаепитие из чайного сервиза покойной бабушки. Для каждого месяца в году и даже дня недели был свой сорт чая. Зачашкой ароматного напитка семья общалась, обсуждали дела, планы, каждый рассказывал, что случилось за день. В моменты трудностей или грусти чай помогал расслабиться, а за общими разговорами можно было отвлечься, снова обрести хорошее настроение и общими усилиями найти решение какой-либо возникшей проблемы.

Вике очень нравился этот обычай. Ведь если у неё случались успехи, например, она отлично сдала экзамены в школе, либо сделала что-то полезное по дому, или помогла кому-то из соседей и те отозвались благодарностью родителям, тогда отец всегда угощал чем-нибудь вкусненьким. Для Вики это было настоящей наградой: в отличие от родителей, она была сладкоежкой. К тому же, в таких случаях Вика получала не просто сладости – для поощрения отец умудрялся находить где-то такие лакомства, о которых в ближайших магазинах даже не слышали: например, засахаренные цветы настоящих фиалок или марципановых героев комиксов. Но больше всего Вике нравились орехи в мармеладе. Однако «награду» можно было получить, только если успех был материален и полезен. Вике это подталкивало развиваться, проявлять находчивость, смекалку и идти к цели, а не просто «делать хоть что-нибудь».

По натуре Вика была очень увлекающейся и любопытной девочкой. Особенно сильно в её характере чувствовались импульсивность, жажда приключений, интерес к новому, дружелюбие, умение веселиться и вокруг себя организовывать компанию. Училась Вика неплохо, правда, отличницей не была. Иногда ленилась, а иногда, начиная активно увлекаться чем-то новым, про учебу вообще могла забыть. Однако, как только получала нагоняй или (редко) папиного ремня, как правило, быстро собиралась с мыслями и догоняла упущенные предметы. Поэтому, в целом, была на хорошем счету у преподавателей.

Больше всего Вика увлекалась рисованием. От детских рисунков она довольно быстро перешла к написанию красивых картин. В девять лет она уже неплохо рисовала пейзажи и натюрморты, а также мангу, аниме. А к одиннадцати освоилась портретами. Впрочем, просто рисовать одиночные работы ей было уже не так интересно. А вот создание целых картинных историй с сюжетом её увлекало ещё очень долго. Поэтому с ней почти всегда была папка с бумагой и, как минимум, карандаши.

В двенадцать Вика задумывалась о том, чтобы петь или танцевать, выступать на сцене, поступить в театральное училище и покинуть Алтай. Родителям эти идеи и переменчивость интересов не нравились, но стремлениям дочери они не препятствовали. Для них было важно, чтобы у Вики что-то начало получаться прежде, чем она решит сменить увлечение. Родители

терпеливо воспитывали в ней понимание, что любое решение должно опираться на результат, а не на эмоции вроде «не получилось – бросила». А еще они настаивали, чтобы дочь получила хорошую профессию, приносящую стабильный доход. Все же мечтами и творчеством сыт не будешь. Вика злилась, но остыв и подумав, понимала, что они правы и соглашалась.

Впрочем, среди реалистичных мечтаний была у Вики и несбыточная мечта: очень хотела она иметь крылья, и не какие-то там из папье-маше или как у Икара, что на солнце расплавились, а самые настоящие. Чтобы могли оторвать от земли и унести под самые облака к вершинам гор. Чтобы были сильные и могли нести с такой скоростью, чтобы дух захватывало. И чтобы были красивые, разумеется, как у статной гордой птицы. Сокола, например. При этом мечтала она, почти веря, что такое возможно.

«Вот были бы у меня крылья. Могла бы в школу летать, а не ходить. Купаться в облаках. На любую гору взлетать, а не взбираться. Девчонки сдохли бы от зависти! Все кругом восхищались бы!.. Селфи улетные бы делала! Может, супергероиней стала бы! Вот была бы жизнь! Какая я была бы счастливая! Обязательно отращу!» – иногда думала она, отходя ко сну.

Детская мечта... Она должна быть большой, такая бывает в детстве у каждого. И пусть все к этой мечте относились несерьезно, для Вики она была настоящей.

Вика постепенно взрослела. И чем старше она становилась, тем сильнее проявлялось её желание всегда быть в центре внимания, быть лучше всех и во всем. Притом, если это не удавалось, то милая малышка вполне могла потерять душевное равновесие — упасть в депрессию или закатить истерику. Растущее тщеславие Ангела иногда беспокоило уже не только родителей, но и окружение самой Вики. А импульсивности и неуёмное любопытство Вики нередко приводили к опасным моментам. Подчас избежать серьёзной беды удавалось по чистой случайности. Из-за повышенного к себе внимания Вика легко подталкивала других детей на авантюры. Это, конечно, не приводило к катастрофам мирового масштаба, но для ее друзей зачастую заканчивалось плачевно. Сама же Вика чаще всего выходила сухой из воды. Ведь, по сути, сама она ничего не натворила, все делали другие. Вика могла запросто объяснить, что она не только не виновата, но и не знала даже, что получится то, что вышло.

Как-то раз, Вика вместе с компанией ребят пыталась соорудить факел из сена. Случайно подожгли старый стог в поле, а в итоге загорелся пал [1]. Тушить его пришлось всеми силами, пока огонь не добрался до домов и леса. Порасспросам «кто виноват?» выяснилось, что спички принес Рома, сено тащил Ренат, поджигала Арина, а Вика вообще говорила «это рискованно». В итоге виновных выпороли так, что те присесть не могли, а Вика отделалась выговором и неделей домашнего ареста.

В другой раз играла с другими детьми в «ножички». Были двое новичков, Артур и Яра. Вика играла неплохо и взялась им объяснить, как играть. Когда новички стали пробовать сами, оба друг другу попали ножами по ногам, а потом еще и подрались. Но не Вика же это устроила! Её лишь отругали за опасные игры, а в наказание она получила внеплановые дежурства по дому.

Ещё случай. Играли в «казаков-разбойников» вблизи местной водонапорной башни. По странному стечению обстоятельств «кто-то» сделал двусмысленное указание, согласно которому команда «казаков» за следующей подсказкой решила взобраться на башню. Разумеется, полез тот, кто проиграл в «камень-ножницы-бумага». Да так неаккуратно, что задел какой-то вентиль. В итоге произошел сброс из бака огромного количества воды, и значительная часть посёлка осталась без нее на целый день, пока башню вновь не наполнили из скважины. Разумеется, виновных нашли моментально и наказали по полной программе. А Вика? Ну, не она же полезла и воду спустила. Да и читать предыдущую подсказку надо внимательнее: подсказка-то была за башней под камнем, а не на вершине скважины! Опять ей только пальчиком погрозили – мол, играть надо в других местах. Впрочем, после того случая башню, наконец, обнесли забором и поставили охрану.

Таких историй было множество, но лишь единицы стоили Вике существенных наказаний в виде папиного ремня или месяца без карманных денег и развлечений. В основном, конфликты быстро сглаживались благодаря ее общительности и обаянию. Тем не менее, друзей и знакомых задевало такое положение вещей, наряду со звездными мамашками Вики...

А что же родители?

Родители старались быть с ней строже. Но разве можно сильно ругать такую умницу, она ведь все понимает...

Запроказы наказывали. Но разве можно надолго наказывать такую обаяшку...

Не баловали. Но как же можно не принести домой подарок такому ангелочку, как Вика...

Вобщем, баланс «кнута» и «пряника» был, но пряников все же было больше. Вика родителей очень любила и старалась не огорчать. Поэтому некоторые проказы, не ставшие массовым скандалом, ей удалось навсегда оставить от родителей в тайне.

Среди местных детей Вику знали все. Подспорьем для нее были хорошая память и умение общаться со всеми. Увидев кого-то знакомого, она запросто вспоминала, о чем они говорили в последний раз. Людей любого возраста в принципе это качество очень располагает и привлекает. От того с ней охотно общались не только сверстники, но также и младшие, и старшеклассники, и взрослые. И очень многие из этой разнохарактерной публики были у неё в друзьях.

И все же, Вика большее внимание уделяла тем, кто мог ей быть чем-то полезен. Да, уже те годы она могла общаться с людьми и ради воплощения своих идей или чтобы получить какую-либо пользу и помощь. И уже тогда сформировался почти что культ почитателей ее личности, но, разумеется, не настолько мощный, чтобы подвигнуть сверстников на что-то большее, чем игры, проказы или помощь в подготовке школьного домашнего задания.

Так и жила, поживала, да придумывала приключения для себя и окружающих.

Клуб

Мрачная лощина

Вершиной изобретательности Ангела к 12 годам, стало создание тайного клуба с мистическим названием «Мрачная Лощина». Идея пришла, когда Вика дочитала книжку про Гарри Поттера и орден Феникса.

«Интересная идея! Хочу!» – подумала Вика, поставив книжку на полку, и тут же взялась за блокнот чтобы придумать хитрый план.

В начале клубом это называлось весьма условно. На деле это была небольшая группа подростков, которая собиралась в разных местах. Сообщения о месте сбора передавались с помощью записок в определенных заранее местах, с помощью контактов в социальных сетях и смс с подставных номеров. (Со временем, место для сбора тайного сообщества всё же нашлось.) Вхождение в это сообщество было ограничено – Вика сама решала и приглашала. И, разумеется, родителям и прочим взрослым ничего не разглашалось под страхом некой мистической кары.

Вика в очередной раз ловко отвела себе особую роль. С одной стороны, она находилась в центре внимания, придумывала занятия, разбивала на задачи и распределяла между ребятами. С другой стороны, всячески отрицала, что она – хозяйка клуба. Говорила, что у клуба есть хозяин, что у него много имен и он передает ей свои поручения перед каждым сбором клуба. Оттого в заведении царил мистическая атмосфера и некоторая серьезность.

На Алтае сохранились не только легенды, но и многие традиции и старинные верования. Например, шаманские обряды в некоторых деревнях и общинах были, есть и будут визитной карточкой этих мест. Поэтому создать нечто мистическое, приложив лучшие свои качества, энтузиазм, фантазию и находчивость, Вике оказалось несложно. Спустя некоторое время клуб стал представлять собой смесь квеста, оккультизма, самосовершенствования и веселой тусовки.

По сути, с помощью клуба Вика искала себя и то, что интересно ей. Очень скоро она поняла, что воплощать в жизнь свои идеи намного проще в окружении сторонников, особенно, если идеи требуют денег. Сторонники охотно поддержат ради общего блага и высших целей. К тому же, так было легче нарушать запреты родителей.

Кроме развлечения и общения, члены клуба получили ещё одно важное преимущество – клуб защищал от стычек с завистниками и недоброжелателями. За «своих» всегда заступались скопом и в обиду «чужакам» не давали. От того мистическое, чуть пугающее название было не случайно.

На собраниях клуба ребята каждый раз что-то вытворяли. Весело проводили время, решали какую-то загадку в рамках квеста от «хозяина». В ход шло то, на что падало внимание Вики: изучение походных навыков, проверка на стойкость, метание ножей, празднование языческих и мистических памятных дат, стрельба из лука, танцы, вызовы духов, изучение аномалий... все, что вызывало интерес и отрывало от привычных внешкольных дел, вроде компьютерных игр и социальных сетей.

Местом сбора этого клуба была окраина леса. Там совместными усилиями были созданы условия для отдыха и оккультных ритуалов. Деревья украсили выдуманными знаками, землю разрисовали всякими символами и пентаграммой. Притом так увлеклись, что перепугали местных, живущих ближе всех к этому месту. Те даже стали обходить местечко стороной, а по городу пошел слух, что там собирается нечисть. Такого однажды Вика услышала разговор соседей грибников:

- Семёныч, ты куда спозаранку?
- Ну как же, дождь прошел! По краю обойду! Может опять найду!
- Ой, ты только на опушку не ходи! Там какая-то нечистая беснуется!
- Дану! Брось! Пацанье шалит!
- Точно тебе говорю! Там шабаши какие-то! Отравишься еще! Никитин в прошлый раз там ходил, так потом в больницу лег! Настолько скрутило!...

Вика украдкой хихикнула и радовалась тому, что ее даже взрослые боятся, значит все по плану.

Однако времена менялись, и к клубному месту постепенно стало подходить строительство. Участки земли распродали, началось возведение домов. Клубные уже подумали, что заведению конец. Переносить насиженное место куда-то еще, никто не хотел, и продолжать было невозможно.

Для Вики на тот момент клуб значил очень многое: это и авторитет, и возможности, и успехи в школе, и деньги. Пока общество не расплодилось, нужно было срочно что-то предпринять. Тогда она пошла в банк и на одном из общих сборов сказала, что призовет хозяина, и стройка остановится. Ребята постарше, что были в этой команде, понимали: это все несерьезно, хозяина нет. Им нравилась Вика, а еще нравилось управлять малышкой. Поэтому, когда дело пахло развалом клуба, они уже готовились на руинах сообщества создать свои ответвления и вместо поддержки решили побыстрее похоронить заведение: взяли Вику на спор: «Валяй, докажи!». Только младшие действительно верили Вике и в приход «хозяина».

Казалось бы, ситуация для Вики патовая, ведь хозяина-то по факту нет. Втягивать взрослых нельзя: Вике припишут создание секты, обвинят в хулиганстве или найдут другое обвинение для скандала. Но Вика всё же не испугалась и к такому развитию событий оказалась готова.

«Хотите шоу?! Будет!» – подумала она и сказала – «Готовьте место! Хозяин призывать дел не простое!».

Вечером по ее просьбе очертили круг на песке, разожгли три костра. В центре круга, под записанную на беспроводную колонку этническую барабанную музыку, Вика исполнила ритуальный танец. Разумеется, выдумала она его не сама, а прочла о нем в интернете. Танец этот правда существовал и был как-то связан с древней легендой Алтая о принцессе, ушедшей на

поиски драгоценного камня, что обронил сам Бог. Всё для того, чтобы Бог не разгневался и не убил весь алтайский народ. Самтанец был довольно скучен, поэтому Вика по своему усмотрению его доработала. Получилось очень даже эффектно: что-то среднее между древним Алтайским танцем и современным в стиле афро-дэнс.

В конце танца случилось непредвиденное, раздался раскат грома и хлынул проливной дождь как из ведра. Эффект был достигнут, правда, не совсем тот, на который рассчитывала Вика. Народ испугался не на шутку и поспешил ретироваться под дома. Дождь, конечно не был случайностью, а вполне сходил с прогнозом погоды на тот день, но раскат грома под конец танца Вика подстроить бы не смогла.

И все же, через пару дней, несмотря на исполненный «магический танец», их клубное место сравняли с землей. На его месте сперва началась вырубка, а потом и активное строительство. Участники клуба очень огорчились. После такого эффектного танца и финала с грозой, в большинстве своём, ребята действительно ждали чуда. Но его не случилось. Даже сама Вика так увлеклась своей игрой, что поверила – танец сработает. Несбывшаяся надежда стала поводом для первой в жизни серьезной депрессии. Вика плохо ела, ходила словно тень, не улыбалась и мало с кем общалась. Друзья по клубу и просто знакомые пытались поддержать её, старались вытаскивать погулять, но Вика была безутешна.

И всё же тот вечер не прошел даром.

Именно тогда в клубе появилась новая и весьма таинственная участница. Звали её Казакова Мила. Она была ровесницей Вики и появилась в этой компании аккурат под исполнение невероятного танца. Однако ее появление почему-то не было никем замечено. Словно она была невидимкой, или слишком знакомой и привычной для всех, чтобы удивляться её появлению. Точнее, почти никем. Только общительная Вика обратила внимание на довольно странную и застенчивую девочку, с любопытством наблюдающую за ней и другими ребятами.

Когда грянул дождь, они с Милой вместе бежали домой к Вике, укрывая головы ее курткой. Тогда и познакомились.

– ...Странно, я тебя раньше у нас не видела! Я – Вика! – представилась Вика на бегу.
– Мила... Казакова... – вкрадчиво и коротко ответила девочка.
– Ты с кем-то пришла? Обычно тут не бывает случайных гостей.
– Просто пошла вслед за ребятами. Стало любопытно, куда они идут... Я не знала, что вы тут бродяжки устраиваете.

– Ну, не совсем! Это клуб. Мрачная лощина называется!

– Онтвой?

– Если коротко, то да! Только никому, ладно?!

– Изачем он тебе?

– Ну... Чтобы не скучно было! Потом расскажу, сейчас бежим ко мне!

– Ладно...

Вика терпеть не могла грозу. Ужасно боялась грома, молнии и ливня. Но, судя по лицу, Мила вообще была почти в панике. Чтобы ее поддержать, Вика не показывала страха и всю дорогу шутила и подбадривала новоиспеченную испуганную подругу, которая не могла остановиться где-нибудь под деревом. Хотя будь Вика одна, тоже забила бы в первый же угол и дрожала. Вбежав в дом, обе сразу же кинулись к теплой печи греться и сушить одежду. Мать помогла девочкам переодеться и принесла в комнату Вики горячий чай. Они с отцом обсуждали какие-то важные дела, и чтобы девочки не мешались отправили их согреться в комнату.

Мила очень стеснялась. Хотя ей и было приятно забота, но было видно, что она очень смущена. Хотела даже уйти, не смотря на ливень за окном, но Вика уговорила ее остаться, чтобы хотя бы переждать дождь, высохнуть и согреться. Она угощала новую подругу и старалась развлечь, рассказывала о себе, показывала свои рисунки. Мила же лишь слушала и улыбалась с любопытством рассматривая Викины альбомы, но говорила мало. Допив чашку чая и поблаго-

дарив за гостеприимство, таинственная девочка поспешила уйти, едва дождь утих. Сослалась на то, что родители будут волноваться, если она не вернется вовремя.

Вика проводила подругу со странным ощущением, будто бы она ей не понравилась или напугала. Подумала, что ее больше не увидит. Но на следующий день Мила сама встретила Вика после школы:

– Привет Вика! Пойдем гулять! – незатейливо, но при этом весьма по-свойски и добро начала Мила.

– Привет! Смотрю сегодня у тебя настроение получше! Вчера прямо сама в себе была!

– Просто... Терпеть не могу грозу и дождь. Было немного не по себе. Да и дома всё-таки... вообще не важно. Идешь?

– Ну давай! Правда не долго! Уроков сегодня задали до фига!

– Хорошо! Немного это больше чем ничего, для начала! – улыбнулась Мила, и они пошли вместе.

Так их общение и началось.

Из всех друзей Вики, которые были совершенно разноплановыми личностями, Мила была, пожалуй, самой контрастной. По натуре она – одиночка, и не считала нужным это скрывать. Однако стоило начать с ней общаться, и сразу становилось ясно, что она – довольно интересный и общительный человек. Мила словно прятала свои истинные качества – обычно была тихой, как серая мышка, часто мрачной и задумчивой. Но в компании с Викой проявляла себя самым незаурядным образом и вообще, кардинально менялась: становилась деятельной, общительной, могла сильно помочь. А ещё можно было увидеть огонек в ее глазах и улыбку, чего в обычной жизни было редкостью. Вика будто бы вдохновляла её.

Внешне Мила тоже была неприметна: худощавая, если не сказать дистрофичная, лицом немного походила на азиатку, симпатичная, кареглазая, с волосами природного темного цвета, стриженными под каре и с обычным прямым пробором. Одевалась обычно, часто появлялась в одном и том же. Сразу было понятно, что денег у нее совсем мало. Ходила со стареньким кнопочным телефоном. Ни о чем никому никогда не просила, но на чужие просьбы откликалась сразу же. Очень любила зеленый цвет, всегда обращала внимание на предметы такого цвета, чем нередко забавляла Вика. Иногда на лице и теле у Милы были синяки, порезы, или царапины. Историю их происхождения, как и сами повреждения, она тщательно старалась скрыть.

В ближайшей местной школе Мила ни разу не появлялась, и было неизвестно, училась ли она где-то вообще. От прямых вопросов по этому поводу, как и вообще вопросов о себе, она уходила, или отвечала неопределенно. Иногда казалось, будто она всегда жила как отшельник или вовсе прилетела с другой планеты. Допустим, почему самолеты летают, не размахивая крыльями, она понять не могла. Окружающая жизнь, особенно техника, словно были для неё в новинку. Этим она сначала удивляла не только Вика, но и остальных членов клуба. Со временем это сочли её манерой общения – задавать странные вопросы, пока кто-нибудь не найдет простой и понятный ответ, – привыкли и перестали обращать на это много внимания. Мила несильно разбиралась в смартфонах, моде, косметике и стилях современной музыки. Вместе с тем, она была далеко не глупой: много знала о разных этнических обычаях и диалектах Алтая, об оккультизме, шаманах и людях разных эпох, о природе края, ремеслах и кое-что смыслила в рукоделии, готовке и охоте. Умела увлекательно рассказывать истории, особенно страшные. Ей стоило только начать, как у собравшихся кровь стыла в жилах. Отличить правду от вымысла в ее устах можно было, лишь если она сама об этом скажет или улыбнется в конце.

Свободное время Мила проводила на улице, гуляя в любую погоду. Бродила, как тень, в полном одиночестве. В гости ходить не любила, к себе никого не приглашала. Никто даже толком не знал, где она живет и с кем.

Вика отнеслась к Миле с дружелюбием, но сначала не выделила ее среди остальных. По первому времени Мила показалась ей отстающей в развитии. Лишь потом Вика разобралась и поняла, что ошиблась на её счет и они стали довольно близкими подругами. Позже Мила часто помогала Вике в организации квестов клуба. А когда у них налажилось доверительное общение, они вместе обсуждали планы на будущее, друзей и подруг, клуб и его работу. Вика помогала Миле разобраться в непонятных для неё явлениях или вопросах, могла подарить какую-нибудь вещь из своей одежды или косметики. Мила в свою очередь всегда была готова помочь подруге. Со временем стало всё чаще случаться, что Викины более близкие подруги были не так доступны, как Мила. Порой стоило только подумать о том, чтоб позвонить Миле, как она сразу появлялась. А вот ее телефон часто был недоступен. Впрочем, он требовался редко.

Эта история началась в Республике Алтай.

В городе Горно-Алтайск на улице Гоголя жила девочка по имени Вика. Обаятельная, привлекательная, но вполне обыкновенная школьница одиннадцати лет, ученица обыкновенной школы номер тринадцать.

Район располагался в лесостепи, не так далеко начинался Алтайский хребет и заповедник. Свежий воздух был в избытке. Живописная и чистая природа, мало машин, все друг друга знают. В городе чаще всего встречались коттеджи и деревенские дома. Было также несколько многоквартирных малоэтажных зданий. В центральном районе появлялись и многоэтажные дома, но тоже невысокие из-за сейсмической активности в регионе.

Дом Вики был коттеджного типа, с небольшим двором, садом и несколькими сараями. Раньше был огород, но из-за того, что в городе стало больше магазинов, скоро он стал почти не нужен. Остались разве что пара грядок с зеленью да несколько клумб с цветами, за которыми ухаживала мать. Неподалеку от Викиного дома начиналось поле, а чуть дальше – лес. Восточнее текла речка, одна из притоков реки Катунь.

Вика росла хорошей девочкой, воспитанной, умной, волевой. Очень любила животных. Была доброй, к тому же необычайно красивой. Темные, немного выющиеся, волосы обрамляли миловидное острое личико, сочетавшее европейские и восточные черты, обаятельную улыбку подчеркивали ямочки на щеках. Уникальности её облику добавляли зелёные глаза – редкие для такой внешности. Букет всех этих украшений умилял сердце не хуже, чем взгляд котика, который выпрашивает мясо. Оттого родители и знакомые часто называли Вику «Ангелом», что ей, безусловно, очень нравилось. Вика во всём старалась соответствовать этому образу и, со временем, прозвище прижилось. Правда, со временем, стали это говорить скорее с сарказмом.

Воспитанием Вика в первую очередь была обязана отцу. Григорий сам был волевым человеком, сильным не только физически, но и морально. На первый взгляд, этот широкоплечий коренастый мужчина с небольшой бородкой и серьёзным взглядом, казался чересчур строгим. Не мудрено: за всю свою жизнь он не бросил даже слова на ветер.

Его девиз был: «Цель и мотив оправдывают средства, если они благородны и устремлены вперед!». Потому без сомнений идти вперед он мог с завидным упорством и без усталости. Впрочем, эта суровость, это впечатление несколько сглаживалось при разговоре с ним: Григорий был не только очень умен и начитан, но и легко располагал к себе, был приятен в общении. Уроженец Алтайского края, инженер по профессии, он переехал в Республику Алтай по направлению крупной компании, ещё до знакомства с Эрке – матерью Вики.

Мать Вики была настоящей восточной красавицей. Она была невысокого роста, но незаметностью не отличалась: она без труда оказывалась в центре внимания благодаря своей активности и искренней улыбке. Полностью её имя звучало как Энэрке (от алтайских слов «эне» – мать и «эрке» – ласка, ласковый). Но Григорий, также, как близкие и друзья, звал её просто Эрке. А когда хотел подразнить – называл Иркой.

Эрке была экологом не только по профессии, но и по призванию: её восхищала природа Алтая, она любила горы, животных, ей нравилось бывать в экспедициях, она с удовольствием участвовала в собраниях Краеведческого сообщества и неплохо разбиралась в истории отдельных районов огромной республики. Эту любовь к природе и любознательность затем в полной мере унаследовала её красавица-дочка.

Несмотря на свою активность и неутомимость, характер Эрке всё же был неоднозначен. Она казалась непреклонной и хладнокровной, но, на самом деле, очень остро чувствовала антипатии в свой адрес и была легко ранима. С одной стороны, чувствуя поддержку, она могла с завидным упрямством идти к намеченной цели, с другой – боялась остаться одна и полностью самостоятельных решений. Поэтому от нее можно было услышать как, особенно в конфликтах: «Не стой у амурского тигра на дороге, а то ноги домой придется в рюкзаке нести!», так и: «Давайте не будем такими резкими в суждениях! Всегда можно договориться!». Редким ее качеством было то, что она была, как и Григорий хозяйка своему слову. То есть отвечала за все что кому-то когда-то наговорила, даже если скандалила.

В семье она всегда полагалась на мнение мужа, как главы, хотя и делилась своими размышлениями.

– Эрке, я тут подумал, что в ванной «теплый пол» можно поставить. А то выходишь из душа и простудиться можно! Особенно зимой! – говорил Григорий.

– Не стану спорить с тобой, дорогой! Правда замечу, что во всём доме было бы неплохо пол утеплить. Может тогда и «теплый пол» в ванной не нужен был бы! – парировала Эрке, чем практически всегда заставляла мужа задуматься.

Поговорка «он – голова, она – шея» было про эту пару.

Когда Эрке оставалась за старшую, она брала правление на себя и спуска никому не давала. Правда только в тех вещах, которые были ей знакомы, одобрены и приняты главой семьи ранее. Например, однажды, когда Григорий попал в больницу с аппендицитом, а на их участке шло возведение большого дома, бригадир и строители стали халатно относиться к работе и срывали сроки. Эрке плохо понимала в строительстве, но обратила на это внимание. Не за горами была осень и оставшись без поддержки ей пришлось ночами штудировать книги, днём опрашивать знакомых, а, когда Григорию стало лучше, то ездить к нему на консультации, чтобы разобраться в процессе. В конечном счете она буквально заставила мужиков прекратить пить и начать нормально работать. Она неотступно следила за качеством сборки и расходом материалов, иногда эффектно подлизывалась, иногда «включала стерву». А когда Григорий вернулся, поспешила отойти в сторону, уступая место лидеру.

Эрке, получив высшее образование, успешно преподавала в местном ВУЗе, была кандидатом наук по экологии и окружающей среде. В работе сказывалась вся твердость её характера – это был суровый, но справедливый педагог.

Особенно это касалось студенческой практики: студенты должны были любую контрольную работу подкреплять практическими наработками «с полей», иначе не только «зачет» нельзя было получить – работа просто не принималась.

При разговорах со студентами о предварительных итогах курсовых от Эрке можно было услышать разнос: «Мы не в наперстки тут играем! Нет аргументов, подтвержденных фактами – иди и ищи! Хоть из-под земли! Тему менять не дам! Сам взял, я не просила! И не надо «ля-ля» мне тут, что думал, что это просто проходной зачёт!!!» – снабжая это еще и жестами, вполне было в ее духе за неделю до итогового тестирования. Со стороны это могло быть смешно, как низкорослая девчонка отчитывает здоровых парней и девчонок, но никто и хихикнуть не смел. Иначе хуже будет.

Студенты очень часто ездили в заповедник, участвовали в экспедициях и доставляли в ВУЗ актуальные сведения об экологии и изменениях окружающей среды. В будущем одним

из них предстояло стать видными учеными, другим – организовать бизнес на родной земле и развивать край...

Раньше, еще до переезда, Григорий был ведущим инженером-разработчиком в аэрокосмической отрасли. Но в «лихие девяностые» работу пришлось менять. По доброму знакомству он попал в нефтегазовую индустрию, занялся проектами по добыче и транзиту сырья.

Судьбу настолько не связанных между собой людей однажды соединил случай. Григорий приехал проектировать на Алтае транзитный газопровод, а Эрке, наряду с ведущими экологами, отстаивала сохранение и неизменность природы родного края. Ожесточенных споров, как на собраниях, так и вне их, было много. Но мало кто знал, что на фуршете, организованном ещё на первом этапе переговоров, между Григорием и Эрке проскочила искра. Большому и грозному Григорию сразу понравилась миниатюрная, но невероятно смелая, бойкая и прорывная Эрке. Из искры разгорелось пламя, изменившее жизнь двоих людей и в дальнейшем подарившее миру Вику.

Несмотря на скоротечный роман и без раздумий принятые решения – к переменам в своей жизни и созданию семьи оба подошли основательно, и ни один из них ни о чём даже на секунду не пожалел. Они поженились ещё до рождения Вики. Беременность Эрке заставила обоих родителей пересмотреть развитие своей карьеры. Чтобы снизить нагрузку и больше времени уделять семье, Григорий передал проект по транзиту и перешел в отдел кураторов по газификации. Это было явным спуском по карьерной лестнице. Однако действительно любящий муж и отец пойдет ради семьи на всё. В дальнейшем он старался не обделять вниманием своих домочадцев, всегда интересовался успехами супруги и дочери, вывозил на совместные прогулки, уделял время работам по дому. По тем же причинам Эрке оставила преподавательскую деятельность и возглавила туристическую базу. Семья для неё также была важнее карьеры.

Днем, как водится, у каждого члена семейства были свои заботы и дела: у родителей – работа, у дочери – школа. А вот вечером вся семья по традиции собиралась для особого ритуала: за большим круглым столом в гостиной устраивалось чаепитие из чайного сервиза покойной бабушки. Для каждого месяца в году и даже дня недели был свой сорт чая. За чашкой ароматного напитка семья общалась, обсуждали дела, планы, каждый рассказывал, что случилось за день. В моменты трудностей или грусти чай помогал расслабиться, а за общими разговорами можно было отвлечься, снова обрести хорошее настроение и общими усилиями найти решение какой-либо возникшей проблемы.

Вике очень нравился этот обычай. Ведь если у нее случались успехи, например, она отлично сдала экзамены в школе, либо сделала что-то полезное по дому, или помогла кому-то из соседей и те отозвались благодарностью родителям, тогда отец всегда угощал чем-нибудь вкусненьким. Для Вики это было настоящей наградой: в отличие от родителей, она была сладкоежкой. К тому же, в таких случаях Вика получала не просто сладости – для поощрения отец умудрялся находить где-то такие лакомства, о которых в ближайших магазинах даже не слышали: например, засахаренные цветы настоящих фиалок или марципановых героев комиксов. Но больше всего Вике нравились орехи в мармеладе. Однако «награду» можно было получить, только если успех был материален и полезен. Вику это подталкивало развиваться, проявлять находчивость, смекалку и идти к цели, а не просто «делать хоть что-нибудь».

По натуре Вика была очень увлекающейся и любопытной девочкой. Особенно сильно в её характере чувствовались импульсивность, жажда приключений, интерес к новому, дружелюбие, умение веселиться и вокруг себя организовывать компанию. Училась Вика неплохо, правда, отличницей не была. Иногда ленилась, а иногда, начиная активно увлекаться чем-то новым, про учебу вообще могла забыть. Однако, как только получала нагоняй или (редко) папиного ремня, как правило, быстро собиралась с мыслями и догоняла упущенные предметы. Потому, в целом, была на хорошем счету у преподавателей.

Больше всего Вика увлекалась рисованием. От детских рисунков она довольно быстро перешла к написанию красивых картин. В девять лет она уже неплохо рисовала пейзажи и натюрморты, а также мангу, аниме. А к одиннадцати освоилась с портретами. Впрочем, просто рисовать одиночные работы ей было уже не так интересно. А вот создание целых картинных историй с сюжетом ее увлекало еще очень долго. Поэтому с ней почти всегда была папка с бумагой и, как минимум, карандаши.

В двенадцать Вика задумывалась о том, чтобы петь или танцевать, выступать на сцене, поступить в театральное училище и покинуть Алтай. Родителям эти идеи и переменчивость интересов не нравились, но стремлениям дочери они не препятствовали. Для них было важно, чтобы у Вики что-то начало получаться прежде, чем она решит сменить увлечение. Родители терпеливо воспитывали в ней понимание, что любое решение должно опираться на результат, а не на эмоции вроде «не получилось – бросила». А еще они настаивали, чтобы дочь получила хорошую профессию, приносящую стабильный доход. Все же мечтами и творчеством сыт не будешь. Вика злилась, но остыв и подумав, понимала, что они правы и соглашалась.

Впрочем, среди реалистичных мечтаний была у Вики и несбыточная мечта: очень хотела она иметь крылья, и не какие-то там из папье-маше или как у Икара, что на солнце расплавились, а самые настоящие. Чтобы могли оторвать от земли и унести под самые облака к вершинам гор. Чтоб были сильные и могли нести с такой скоростью, чтобы дух захватывало. И чтобы были красивые, разумеется, как у статной гордой птицы. Сокола, например. При этом мечтала она, почти веря, что такое возможно.

«Вот были бы у меня крылья. Могла бы в школу летать, а не ходить. Купаться в облаках. На любую гору взлетать, а не взбираться. Девчонки сдохли бы от зависти! Все кругом восхищались бы!.. Селфи улетные бы делала! Может, супергероиней стала бы! Вот была бы жизнь! Какая я была бы счастливая! Обязательно отращу!» – иногда думала она, отходя ко сну.

Детская мечта... Она должна быть большой, такая бывает в детстве у каждого. И пусть все к этой мечте относились несерьезно, для Вики она была настоящей.

Вика постепенно взрослела. И чем старше она становилась, тем сильнее проявлялось её желание всегда быть в центре внимания, быть лучше всех и во всём. Притом, если это не удавалось, то милая малышка вполне могла потерять душевное равновесие – впасть в депрессию или закатить истерику. Растущее тщеславие Ангела иногда беспокоило уже не только родителей, но и окружение самой Вики. А импульсивность и неуёмное любопытство Вики нередко приводили к опасным моментам. Подчас избежать серьёзной беды удавалось по чистой случайности. Из-за повышенного к себе внимания Вика легко подталкивала других детей на авантюры. Это, конечно, не приводило к катастрофам мирового масштаба, но для ее друзей зачастую заканчивалось плачевно. Сама же Вика чаще всего выходила сухой из воды. Ведь, по сути, сама она ничего не натворила, все делали другие. Вика могла запросто объяснить, что она не только не виновата, но и не знала даже, что получится то, что вышло.

Как-то раз, Вика вместе с компанией ребят пыталась соорудить факел из сена. Случайно подожгли старый стог в поле, а в итоге загорелся пал[1]. Тушить его пришлось всеми силами, пока огонь не добрался до домов и леса. По расспросам «кто виноват?» выяснилось, что спички принес Рома, сено тащил Ренат, поджигала Арина, а Вика вообще говорила «это рискованно». В итоге виновных выпороли так, что те присесть не могли, а Вика отделалась выговором и неделей домашнего ареста.

В другой раз играла с другими детьми в «ножички». Были двое новичков, Артур и Яра. Вика играла неплохо и взялась им объяснить, как играть. Когда новички стали пробовать сами, оба друг другу попали ножами по ногам, а потом еще и подрались. Но не Вика же это устроила! Её лишь отругали за опасные игры, а в наказание она получила внеплановые дежурства по дому.

Ещё случай. Играли в «казаков-разбойников» вблизи местной водонапорной башни. По странному стечению обстоятельств «кто-то» сделал двусмысленное указание, согласно которому команда «казаков» за следующей подсказкой решила взобраться на башню. Разумеется, полез тот, кто проиграл в «камень-ножницы-бумага». Да так неаккуратно, что задел какой-то вентиль. В итоге произошел сброс из бака огромного количества воды, и значительная часть посёлка осталась без нее на целый день, пока башню вновь не наполнили из скважины. Разумеется, виновных нашли моментально и наказали по полной программе. А Вика? Ну, не она же полезла и воду спустила. Да и читать предыдущую подсказку надо внимательнее: подсказка-то была за башней под камнем, а не на вершине скважины! Опять ей только пальчиком погрозили – мол, играть надо в других местах. Впрочем, после того случая башню, наконец, обнесли забором и поставили охрану.

Таких историй было множество, но лишь единицы стоили Вике существенных наказаний в виде папиного ремня или месяца без карманных денег и развлечений. В основном, конфликты быстро сглаживались благодаря ее общительности и обаянию. Тем не менее, друзей и знакомых задевало такое положение вещей, наряду со звездными замашками Вики...

А что же родители?

Родители старались быть с ней строже. Но разве можно сильно ругать такую умницу, она ведь все понимает...

За проказы наказывали. Но разве можно надолго наказывать такую обаяшку...

Не баловали. Но как же можно не принести домой подарок такому ангелочку, как Вика...

В общем, баланс «кнута» и «пряника» был, но пряников все же было больше. Вика родителей очень любила и старалась не огорчать. Поэтому некоторые проказы, не ставшие массовым скандалом, ей удалось навсегда оставить от родителей в тайне.

Среди местных детей Вику знали все. Подспорьем для нее были хорошая память и умение общаться со всеми. Увидев кого-то знакомого, она запросто вспоминала, о чем они говорили в последний раз. Людей любого возраста в принципе это качество очень располагает и привлекает. От того с ней охотно общались не только сверстники, но также и младшие, и старшеклассники, и взрослые. И очень многие из этой разнохарактерной публики были у неё в друзьях.

И все же, Вика большее внимание уделяла тем, кто мог ей быть чем-то полезен. Да, уже в те годы она могла общаться с людьми и ради воплощения своих идей или чтобы получить какую-либо пользу и помощь. И уже тогда сформировался почти что культ почитателей ее личности, но, разумеется, не настолько мощный, чтобы подвигнуть сверстников на что-то большее, чем игры, проказы или помощь в подготовке школьного домашнего задания.

Так и жила, поживала, да придумывала приключения для себя и окружающих.

Клуб Мрачная лощина

Вершиной изобретательности Ангела к 12 годам, стало создание тайного клуба с мистическим названием «Мрачная Лощина». Идея пришла, когда Вика дочитала книжку про Гарри Поттера и орден Феникса.

«Интересная идея! Хочу!» – подумала Вика, поставив книжку на полку, и тут же взялась за блокнот чтобы придумать хитрый план.

Вначале клубом это называлось весьма условно. На деле это была небольшая группа подростков, которая собиралась в разных местах. Сообщения о месте сбора передавались с помощью записок в определенных заранее местах, с помощью контактов в социальных сетях и смс с подставных номеров. (Со временем, место для сбора тайного сообщества всё же нашлось.)

Вхождение в это сообщество было ограничено – Вика сама решала и приглашала. И, разумеется, родителям и прочим взрослым ничего не разглашалось под страхом некой мистической кары.

Вика в очередной раз ловко отвела себе особую роль. С одной стороны, она находилась в центре внимания, придумывала занятия, разбивала на задачи и распределяла между ребятами. С другой стороны, всячески отрицала, что она – хозяйка клуба. Говорила, что у клуба есть хозяин, что у него много имен и он передает ей свои поручения перед каждым сбором клуба. Оттого в заведении царила мистическая атмосфера и некоторая серьезность.

На Алтае сохранились не только легенды, но и многие традиции и старинные верования. Например, шаманские обряды в некоторых деревнях и общинах были, есть и будут визитной карточкой этих мест. Поэтому создать нечто мистическое, приложив лучшие свои качества, энтузиазм, фантазию и находчивость, Вике оказалось несложно. Спустя некоторое время клуб стал представлять собой смесь квеста, оккультизма, самосовершенствования и веселой тусовки. По сути, с помощью клуба Вика искала себя и то, что интересно ей. Очень скоро она поняла, что воплощать в жизнь свои идеи намного проще в окружении сторонников, особенно, если идеи требуют денег. Сторонники охотно поддержат ради общего блага и высших целей. К тому же, так было легче нарушать запреты родителей.

Кроме развлечения и общения, члены клуба получили ещё одно важное преимущество – клуб защищал от стычек с завистниками и недоброжелателями. За «своих» всегда заступались скопом и в обиду «чужакам» не давали. От того мистическое, чуть пугающее название было не случайно.

На собраниях клуба ребята каждый раз что-то вытворяли. Весело проводили время, решали какую-то загадку в рамках квеста от «хозяина». В ход шло то, на что падало внимание Вики: изучение походных навыков, проверка на стойкость, метание ножей, празднование языческих и мистических памятных дат, стрельба из лука, танцы, вызовы духов, изучение аномалий... все, что вызывало интерес и отрывало от привычных внешкольных дел, вроде компьютерных игр и социальных сетей.

Местом сбора этого клуба была окраина леса. Там совместными усилиями были созданы условия для отдыха и оккультных ритуалов. Деревья украсили выдуманными знаками, землю разрисовали всякими символами и пентаграммой. Притом так увлеклись, что перепугали местных, живущих ближе всех к этому месту. Те даже стали обходить местечко стороной, а по городу пошел слух, что там собирается нечисть. Так однажды Вика услышала разговор соседей грибников:

– Семёныч, ты куда спозаранку?

– Ну как же, дождь прошел! По краю обойду! Может опят найду!

– Ой, ты только на опушку не ходи! Там какая-то нечистая беснуется!

– Да ну! Брось! Пацанье шалит!

– Точно тебе говорю! Там шабаши какие-то! Отравишься еще! Никитин в прошлый раз там ходил, так потом в больницу лег! Настолько скрутило!...

Вика украдкой хихикнула и радовалась тому, что ее даже взрослые бояться, значит все по плану.

Однако времена менялись, и к клубному месту постепенно стало подходить строительство. Участки земли распродали, началось возведение домов. Клубные уже подумали, что заведению конец. Переносить насиженное место куда-то еще, никто не хотел, и продолжать было невозможно.

Для Вики на тот момент клуб значил очень многое: это и авторитет, и возможности, и успехи в школе, и деньги. Пока общество не расплзлось, нужно было срочно что-то предпринять. Тогда она пошла ва-банк и на одном из общих сборов сказала, что призовет хозяина, и стройка остановится. Ребята постарше, что были в этой команде, понимали: это все несерьезно, хозяина нет. Им нравилась Вика, а еще нравилось управлять малышкой. Поэтому, когда дело пахло развалом клуба, они уже готовились на руинах сообщества создать свои ответвления и вместо поддержки решили побыстрее похоронить заведение: взяли Вику на спор: «Валей, докажи!». Только младшие действительно верили Вике и в приход «хозяина».

Казалось бы, ситуация для Вики патовая, ведь хозяина-то по факту нет. Втягивать взрослых нельзя: Вике припишут создание секты, обвинят в хулиганстве или найдут другое обвинение для скандала. Но Вика всё же не испугалась и к такому развитию событий оказалась готова.

«Хотите шоу?! Будет!» – подумала она и сказала – «Готовьте место! Хозяин призывать дело не простое!».

Вечером по ее просьбе очертили круг на песке, разожгли три костра. В центре круга, под записанную на беспроводную колонку этническую барабанную музыку, Вика исполнила ритуальный танец. Разумеется, выдумала она его не сама, а прочла о нем в интернете. Танец этот правда существовал и был как-то связан с древней легендой Алтая о принцессе, ушедшей на поиски драгоценного камня, что обронил сам Бог. Всё для того, чтобы Бог не разгневался и не убил весь алтайский народ. Сам танец был довольно скучен, поэтому Вика по своему усмотрению его доработала. Получилось очень даже эффектно: что-то среднее между древним Алтайским танцем и современным в стиле афро-дэнс.

В конце танца случилось непредвиденное, раздался раскат грома и хлынул проливной дождь как из ведра. Эффект был достигнут, правда, не совсем тот, на который рассчитывала Вика. Народ испугался не на шутку и поспешил ретироваться по домам. Дождь, конечно не был случайностью, а вполне сходилась с прогнозом погоды на тот день, но раскат грома под конец танца Вика подстроить бы не смогла.

И все же, через пару дней, несмотря на исполненный «магический танец», их клубное местечко сравнивали с землей. На его месте сперва началась вырубка, а потом и активное строительство. Участники клуба очень огорчились. После такого эффектного танца и финала с грозой, в большинстве своём, ребята действительно ждали чуда. Но его не случилось. Даже сама Вика так увлеклась своей игрой, что поверила – танец сработает. Несбывшаяся надежда стала поводом для первой в жизни серьезной депрессии. Вика плохо ела, ходила словно тень, не улыбалась и мало с кем общалась. Друзья по клубу и просто знакомые пытались поддержать её, старались вытаскивать погулять, но Вика была безутешна.

И всё же тот вечер не прошел даром.

Именно тогда в клубе появилась новая и весьма таинственная участница. Звали её Казакова Мила. Она была ровесницей Вики и появилась в этой компании аккурат под исполнение невероятного танца. Однако ее появление почему-то не было никем замечено. Словно она была невидимкой, или слишком знакомой и привычной для всех, чтобы удивляться её появлению. Точнее, почти никем. Только общительная Вика обратила внимание на довольно странную и застенчивую девочку, с любопытством наблюдающую за ней и другими ребятами.

Когда грянул дождь, они с Милой вместе бежали домой к Вике, укрывая головы ее курткой. Тогда и познакомились.

– ...Странно, я тебя раньше у нас не видела! Я – Вика! – представилась Вика на бегу.

– Мила... Казакова... – вкрадчиво и коротко ответила девочка.

– Ты с кем-то пришла? Обычно тут не бывает случайных гостей.

– Просто пошла вслед за ребятами. Стало любопытно, куда они идут... Я не знала, что вы тут обряды устраиваете.

– Ну, не совсем! Это клуб. Мрачная лощина называется!

– Он твой?

– Если коротко, то да! Только никому, ладно?!

– И зачем он тебе?

– Ну... Чтобы не скучно было! Потом расскажу, сейчас бежим ко мне!

– Ладно...

Вика терпеть не могла грозу. Ужасно боялась грома, молнии и ливня. Но, судя по лицу, Мила вообще была почти в панике. Чтобы ее поддержать, Вика не показывала страха и всю дорогу шутила и подбадривала новоиспеченную испуганную подругу, которая норовила остановиться где-нибудь под деревом. Хотя будь Вика одна, тоже забилась бы в первый же угол и дрожала. Вбежав в дом, обе сразу же кинулись к теплой печи греться и сушить одежду. Мать помогла девочкам переодеться и принесла в комнату Вики горячий чай. Они с отцом обсуждали какие-то важные дела, и чтобы девочки не мешались отправили их согреться в комнату.

Мила очень стеснялась. Хоть ей и было приятно забота, но было видно, что она очень смущена. Хотела даже уйти, не смотря на ливень за окном, но Вика уговорила ее остаться, чтобы хотя бы переждать дождь, высохнуть и согреться. Она угощала новую подругу и старалась развлечь, рассказывала о себе, показывала свои рисунки. Мила же лишь слушала и улыбалась с любопытством рассматривая Викины альбомы, но говорила мало. Допив чашку чая и поблагодарив за гостеприимство, таинственная девочка поспешила уйти, едва дождь утих. Сослалась на то, что родители будут волноваться, если она не вернется вовремя.

Вика проводила подругу со странным ощущением, будто бы она ей не понравилась или напугала. Подумала, что ее больше не увидит. Но на следующий день Мила сама встретила Вику после школы:

– Привет Вик! Пойдем гулять! – незатейливо, но при этом весьма по-свойски и добро начала Мила.

– Привет! Смотрю сегодня у тебя настроение получше! Вчера прямо сама в себе была!

– Просто... Терпеть не могу грозу и дождь. Было немного не по себе. Да и дома всё-таки... в общем не важно. Идешь?

– Ну давай! Правда не долго! Уроков сегодня задали до фига!

– Хорошо! Недолго это больше чем ничего, для начала! – улыбнулась Мила, и они пошли вместе.

Так их общение и началось.

Из всех друзей Вики, которые были совершенно разноплановыми личностями, Мила была, пожалуй, самой контрастной. По натуре она – одиночка, и не считала нужным это скрывать. Однако стоило начать с ней общаться, и сразу становилось ясно, что она – довольно интересный и общительный человек. Мила словно прятала свои истинные качества – обычно была тихой, как серая мышка, часто мрачной и задумчивой. Но в компании с Викой проявляла себя самым незаурядным образом и вообще, кардинально менялась: становилась деятельной, общительной, могла посильно помочь. А ещё можно было увидеть огонек в ее глазах и улыбку, чего в обычной жизни было редкостью. Вика будто бы вдохновляла её.

Внешне Мила тоже была неприметна: худощавая, если не сказать дистрофичная, лицом немного походила на азиатку, симпатичная, кареглазая, с волосами природного тёмного цвета, стриженными под каре и с обычным прямым пробором. Одевалась обычно, часто появлялась в одном и том же. Сразу было понятно, что денег у ее семьи совсем мало. Ходила со стареньким кнопочным телефоном. Ни о чем никого никогда не просила, но на чужие просьбы откликалась сразу же. Очень любила зеленый цвет, всегда обращала внимание на предметы такого цвета, чем нередко забавляла Вику. Иногда на лице и теле у Милы были синяки, порезы, или царапины. Историю их происхождения, как и сами повреждения, она тщательно старалась скрыть.

В ближайшей местной школе Мила ни разу не появлялась, и было неизвестно, училась ли она где-то вообще. От прямых вопросов по этому поводу, как и вообще вопросов о себе, она уходила, или отвечала неопределенно. Иногда казалось, будто она всегда жила как отшельник или вовсе прилетела с другой планеты. Допустим, почему самолеты летают, не размахивая крыльями, она понять не могла. Окружающая жизнь, особенно техника, словно были для неё в новинку. Этим она сначала удивляла не только Вику, но и остальных членов клуба. Со временем это сочли её манерой общения – задавать странные вопросы, пока кто-нибудь не найдет простой и понятный ответ, – привыкли и перестали обращать на это много внимания. Мила не сильно разбиралась в смартфонах, моде, косметике и стилях современной музыки. Вместе с тем, она была далеко не глупой: много знала о разных этнических обычаях и диалектах Алтая, об оккультизме, шаманах и людях разных эпох, о природе края, о ремеслах и кое-что смыслила в рукоделии, готовке и охоте. Умела увлекательно рассказывать истории, особенно страшные.

Ей стоило только начать, как у собравшихся кровь стыла в жилах. Отличить правду от вымысла в ее устах можно было, лишь если она сама об это скажет или улыбнется в конце.

Свободное время Мила проводила на улице, гуляя в любую погоду. Бродила, как тень, в полном одиночестве. В гости ходить не любила, к себе никого не приглашала. Никто даже толком не знал, где она живет и с кем.

Вика отнеслась к Миле с дружелюбием, но сначала не выделила ее среди остальных. По первому времени Мила показалась ей отстающей в развитии. Лишь потом Вика разобралась и поняла, что ошиблась на её счет и они стали довольно близкими подругами. Позже Мила часто помогала Вике в организации квестов клуба. А когда у них наладилось доверительное общение, они вместе обсуждали планы на будущее, друзей и подруг, клуб и его работу. Вика помогала Миле разобраться в непонятных для неё явлениях или вопросах, могла подарить какую-нибудь вещь из своей одежды или косметики. Мила в свою очередь всегда готова была помочь подруге. Со временем стало всё чаще случаться, что Викины более близкие подруги были не так доступны, как Мила. Порой стоило только подумать о том, чтоб позвонить Миле, как она сразу появлялась. А вот ее телефон часто был недоступен. Впрочем, он требовался редко.

[1] Увядающая сухая трава

Глава 3. Случай меняет людей

Несмотря на все обстоятельства, клуб продолжил свою жизнь: спустя месяц стройка внезапно остановилась. Затем и вовсе свернулась, а недостроенное здание быстро превратилось в заброс. В это никто не мог поверить, но факт оставался фактом. И как только это случилось, Вика моментально воспряла духом и снова включилась в игру. Смекалка не подвела ее вновь, и клуб стал собираться именно в этом забросе. В этом были очевидные плюсы. Крыша над головой, да и детворе нравились приключения. На стройке, конечно, было менее приятно, чем на опушке леса, да и более опасно. Но в районе всё равно не было больше никаких арт-объектов для досуга молодежи. Поэтому заброс оказался очень кстати.

После вынужденного перерыва ребята охотно возобновили своё членство в клубе Вики, стоило только позвать в известное место. Теперь уже подавляющее большинство участников верили в магическую составляющую сего сообщества.

Мила активно участвовала и помогала подруге. Более того она оказывалась всегда рядом, едва ли Вике нужна была помощь. Сначала Вика даже смущалась такой невиданной отзывчивости подруги, но потом привыкла и даже начала активно пользоваться этим. Это было нагло, но Мила никогда не отказывалась помочь, о чем бы Вика не попросила. Они много общались и были едва ли не как сестры по уровню доверительности в общении. Вика даже дарила ей свои вещи, что смущало уже Милу. Но чтобы не обижать подругу, она принимала ее подарки одаривая улыбкой и объятиями.

Успех в клубе вскружил голову, и Вика стала менее придирчиво относиться к новичкам в клубе. Заведение стало активно расширяться. Но не прошло и месяца, как это сыграло с ней и её «магическим» детищем злую шутку. Некоторые новички проболтались родителям о существовании клуба и месте сбора. Новость моментально понеслась сарафанным радио по всему району, а затем и вообще по городу. Узнав о подобной деятельности, родители стали запрещать своим детям там участвовать, как минимум во избежание травм. Хотя истинная причина была скорее в том, что данное заведение сочли подобием секты.

Спустя всего пару недель после чудесного взлета последовало сокрушительное падение: список участников клуба резко сократился. Повезло еще, что никто не отметил Вику как хозяйку этого клуба, иначе в этот раз ответственности было бы не избежать. В итоге в клубе остались только самые преданные и те, кому Вика очень нравилась. Собрания стали редкими, и клуб Вике вскоре наскучил. Глупо было придумывать сложные квесты для двух-трех человек.

Так клубное место стало просто местом веселого досуга.

Однажды в клубе появился парень по имени Эремен, которого все почему-то звали Феликс. Ему было пятнадцать. Симпатичной, но не особо примечательной внешности, худой, несмотря на то, что занимался боксом, высокомерный и немного заносчивый, хамоватый и довольно уколобый. По всем повадкам он был явным хулиганом. Он напропалую курил, пил пиво, состоял на учете в полиции за мелкие кражи. Но Вике он почему-то понравился. В частности, потому, что с его появлением в общей компании каждый раз, происходило что-то необычное, веселое и выходящее за грани разумного. Он обладал не только даром убеждения, но и заражал своим азартом. Благодаря ему в клуб стали вновь добавляться участники. Местами его выходки были на грани добра и зла: подбить малолеток выкурить сигарету в затяг, выпить стакан водки, прыгнуть со второго этажа в карьер, подстрелить ворону из пистолетика с резиновыми пулями и много чего ещё. Но в целом, ребят, собиравшихся в обществе, он не обижал. Лишь иногда подшучивал и ловко манипулировал.

Часто Вика встречалась с Феликсом и вне собраний. Тайком, разумеется. Ибо родители такого дружка Вике ни за что не одобрили бы. А Вике казалось, что она Феликсу небезразлична. Хотя наверняка этого не знала, так как спросить его напрямую боялась. При этом украд-

кой подругам она выдавала желаемое за действительное, рассказывая, что они с Феликсом вместе. У подруг это вызывало спазмы зависти, но не из-за того, что Феликс такой хороший, а потому что у них нет никого вообще. Сам Феликс Вику ни с кем не обсуждал. Однако знаки внимания он ей оказывал, а в случае поползновений других лиц мужского пола в ее сторону, решал вопросы жестко и кратко. С другими участниками клуба он общался только на собраниях, Вика была в этом плане исключением.

Миле Феликс не нравился. Впрочем, это было взаимно.

Она считала его «поверхностным типом и приспособленцем, дурно влияющим на окружающих», и на Вику в том числе. Он считал ее «тупой стервой» и «чокнутой».

Такое отношение сложилось с самой первой встречи, когда Мила в отличие от остальных не протянула пожать ему руку. А затем еще и ответила на едкий комментарий в свой адрес и нападки на отдельных ребят. Между ними была антипатия, но оба ради Вики не вступали в конфликты. Друг с другом они почти не общались больше чем «привет-пока».

Лезть в отношения Вики, Мила не собиралась. Однако если Вика спрашивала мнение о Феликсе или о ситуации связанной с ним, Мила всегда говорила то, что думала. На этой почве у подруг были разногласия:

– ...Ну не такой он и плохой! Ты зря все время на него наговариваешь! – говорила Вика, когда обе однажды шли вечером по домам.

– Я другого мнения! Ты знаешь! – довольно холодно отвечала Мила.

– Ну что в нем не так?

– Вик, я тебе уже много раз говорила – он отвратительный человек! На как ты этого не понимаешь? Это же видно! Он предаст при первой опасности для себя. При том любого, даже близкого друга! Даже тебя! Увидишь сама, он себя еще покажет! Только я на это смотреть не хочу.

– Но он же заступался за меня и за ребят! Это не в счет да?

– Угу... Есть отличная русская поговорка «Молодец среди овец, а пред молодцом и сам овца»! Это про него! Если припомнишь, он никогда не заступался, когда силы хотя бы равны!

– Да ну! Ты просто завидуешь... – выпалила Вика.

Мила остановилась и взглянув на Вику серьезным взглядом, сказала:

– Если ты правда так считаешь, то скажи мне это в глаза, и я уйду!

Вику это укололо, но во взгляде подруги было неприкрытое огорчение и стойкое неприятие того, что она по глупости сказала. Разумеется, терять подругу, что уже успела поселиться в ее жизни и никогда не отказывала в помощи, она не хотела:

– Ладно, прости! Не злись...

Мила не ответила, вздохнула, и они пошли дальше все также вместе.

И все же, Вика не желала задуматься о том, что Феликс может со временем проявлять свои негативные качества в общении с ней, идеализируя даже его скользкий характер и глупость, которые поначалу ее саму раздражали. А Мила не любила долго доказывать свою точку зрения, ограничиваясь фразами «как хочешь», «дело хозяйское» или «ну, что ж, время покажет». И при этом уходила молча, чтобы не продолжать спор. Этим она доводила Вику до бешенства.

Впрочем, оказалось, что Мила была не одинока во мнении о Феликсе. Некоторые завсегдатаи клуба (в особенности, считавшиеся «умниками») стали его покидать. Кому-то надоели его неприятные шутки и мерзости что иногда творились на сходках, а другим претили его отношения с Викторией. Сама Виктория была слишком занята, чтобы заметить, что друзья от нее уходят.

Ранней осенью в один чудесный воскресный день кое-что изменилось.

На очередной сходке разыгралось некоторое подобие догонялок с примесью регби по всему недостроенному зданию. Начал, как всегда, Феликс. В этот день было довольно прохладно, и он предложил:

«Ну чего тут мерзнуть-то! У меня тут есть вот такая фенечка! Кто удержит его и добежит с ним до выхода, получит пот эту шнягу! Прыгать в кучу нельзя!»

Разбившись на две команды, ребята пытались отобрать друг у друга небольшой мяч. «Шнягой» и призом был айфон Феликса, о происхождении которого он постоянно рассказывал разные истории. «Аттракцион неслыханной щедрости» зацепил почти всех. Воздержалась только Мила. Баталия развернулась на втором этаже здания, открытая часть которого выходила на песчаную кучу и карьер. Туда обычно все с разбегу прыгали. И если песчаная куча была еще относительно безопасной, то вот если скатиться в карьер, то можно было и больно ушибиться, и пораниться, и испачкаться. Там были острые камни и оцеревшая глина, а внизу талая вода и грязь.

В какой-то момент началась схватка. Игроки вошли в раж и уже с трудом разбирали, куда бегут и кто перед ними. Мила сперва стояла у стены, но когда началась свалка, отдалено смахивающая на бугурт^[1], отошла к открытому краю. Ребята туда не бегали, так как это было не по правилам игры, да и просто опасались свалиться. Мяч переходил от одного к другому, и вот в какой-то момент случайно отлетел в сторону и попал в руки к Миле. Ребята в очередной раз свалились в кучу. Вика этого ловко избежала. Заметив мяч у подруги, она поспешила к ней. Опомнившись, вслед за Викторией побежали все остальные. Вика притормозила рядом с Милой, а вот ошалевшие от беготни ребята не смогли вовремя остановиться и буквально навалились на них. Мила оступилась и полетела в песчаную кучу. Все бы обошлось парой ушибов и руганью в адрес столкнувшихся, но... Вика полетела следом и приземлилась прямо на подругу. Обе покатались с кучи в яму карьера. Вика приземлилась мягко и почти не ушиблась, а вот Мила, помимо ушибов и пары вывихов, в конечном счете разодрала до крови ногу выше колена и сломала руку. От боли Мила сильно закричала и заплакала.

«Друзья и подруги», которых было семь человек, включая Феликса, смекнув, что «доигрались», поспешили ретироваться. Одни – «за взрослыми», другие бормотали, что, мол, «домой пора», третьи вроде как «не при делах, и вообще они далеко в стороне были».

Поняв, что в этот раз обычной взбучкой дело не ограничится и весьма вероятны последствия в виде папиного ремня, а может чего и похуже, Вика тоже сперва хотела убежать под предлогом «позвать на помощь». Кроме того, не выдавшая никогда ничего серьезнее синяка или царапины на коленке, Вика была в шоке, увидев настоящий перелом руки и настоящие раны, из которых сочится кровь.

Феликс, подлетев к Вике и моментально раскрыл себя во всей красе:

– Так, всё, валим отсюда! Брось чокнутую! – сказал он и ухватив под локоть потащил Вику прочь.

– Ты совсем сдурел? Она же не выберется! Умрет тут одна!

– О своей шкуре думай, дура! Сказал валим!

Вика ничего не ответила, лишь вывернулась и оттолкнула Феликса. Он лишь фыркнул что-то бранное и побежал прочь. Вика побрела обратно в карьер.

Отойдя от шока и хорошенько подумав, Вика поняла, что сбежать все равно не получится. Милку будут искать, и когда найдут, то всё выяснится, в особенности то, что все ее бросили. Потом ей стало просто совестно:

«Да как я могу бросить подругу?! Она же сама отсюда не вылезет! И возможно никто её тут живой не найдет! Ну уж нет!»

Выход был только один: помочь и постараться уговорить Милу взять вину на себя. Мол, скажет, что сама упала. Очевидно, сказывалось дурное влияние изворотливого Феликса.

Видя его истинную сущность, Вика в полной мере осознала, как сильно она заблуждалась на его счёт и как была права Мила. Но пока она не увидела это самостоятельно понять ей было не дано.

Вытащив рыдающую от боли подругу из карьера и усадив у стены, Вика попыталась оказать первую помощь. Как могла, разумеется, припоминая уроки ОБЖ. Перетянув и забинтовав ногу разорванной футболкой с найденным тут же подорожником, она взяла Милу под здоровую руку и повела в сторону её дома. Что делать со сломанной рукой она не знала, поэтому решила просто подвязать и больше не трогать, припоминая слова учителя, что «если не знаешь, что делать, не трогай, так как можно сделать только хуже».

Мила выглядела неважно. Бледная, вся в слезах и в грязи. Прихрамывая, она еле шла. Плакала уже не столько от боли, сколько от страха перед тем, что случилось, и что будет ей за непослушание от родителей.

– Тебе очень больно? Держись! Скоро уже дойдем до дома! – подбадривала Вика, стараясь хоть немного успокоить Милу.

– Рука очень болит... Я не хочу идти домой.

– Да ты чего?! Дома родители вызовут врача! Надо домой! – с отдышкой говорила Вика, не привыкшая таскать ношу под стать себе.

– Отец накажет! Даже со сломанной рукой... все равно накажет! – рыдала Мила, снова срываясь в истерику.

– Да, перестань! Не может же он тебя в таком состоянии наказывать! Тебе же помощь нужна.

– Когда я мячом стекло разбила, он велел мне его достать. Я полезла и об осколки поранилась... Так он ударил меня по лицу, я упала осколки и еще сильнее поранилась. Тогда он отвел меня домой и с разодранной рукой в угол поставил. Там я стояла пока в обморок не упала, испачкав кровью стену и пол. Так он привел меня в чувство ремнем по спине, а потом только отвел к врачу...

«Не папаша, а садист! Психопат какой-то!» – подумала Вика, но сказала:

– Не бойся. Все будет, хорошо! Обещаю! Ты только иди, ладно? – затем немного выдержав паузу, добавила, с трудом признавая: – Феликс – урод! Трус! Скотина! Прости, что тебе не верила.

Мила ничего на это не ответила, ей было явно не до этого.

В тот момент Вика даже и думать перестала о том, чтобы просить Милу взять вину на себя. Пусть будет что будет, раз такое дело. А еще подумала: «Не! У меня родители в сто раз лучше!».

Наконец доведя Милу до дома, Вика, держа ее из последних сил, позвонила в дверь. На подруге уже не было лица, не то от страха, не то от боли. Впрочем, и Вика боялась увидиться с ее отцом, после такой характеристики. Наудачу обеих открыла мать Милы, звали ее Людмила, отца видимо еще не было дома.

– Помогите, пожалуйста, тетя Люда! Мила руку сломала, ей надо к врачу... – запыхавшись, срывающимся голосом произнесла Вика.

– Ой боженьки святы! Да за что же ты гневаешься, отче?!

Мать Милы была набожной и не очень красивой женщиной. Одевалась в мешковатое потрёпанное и темное платье и платок на голову. До этого Вика её знала лишь из рассказов Милы и видела издали только однажды. Все, что в их семье происходит, мать отдавала на волю Бога. Она соблюдала все посты и постоянно ходила в церковь. Милу она пыталась воспитывать в том же духе, а также в терпеливом отношении к постоянному гневу и угнетению от отца. Об этом Мила сама рассказывала Вике задолго до этого дня. Ей это не нравилось, поэтому она практически и не бывала дома. Уходила гулять во двор, даже в одиночку, с утра и до самого

вечера. Лишь бы не слушать постоянные молитвы и не опасаться трепки от отца, которому только дай повод. Хотя и тот нужен был не всегда.

Увидев искалеченную дочь, мать привычно запричитала, и тут же увела Милу домой. Вике она только сказала сухое «спасибо» за то, что помогла, даже не спросив, как это произошло. Затем чуть склонила голову и тут же поспешила закрыть дверь. Вика даже не успела ничего сказать. Звонить еще раз в дверь она не решилась, учитывая обстоятельства. Поэтому она сразу поспешила домой.

Выходя из подъезда, Вика ощущала себя подавлено, её грызла совесть и на душе было гадко. Гадко, что все-таки струсила и не призналась.

«Чем я теперь лучше Феликса?! Может, стоит вернуться и все рассказать?» – думала Вика, однако ноги предательски вели прочь.

Домой Вика пришла поникшая, с разорванной футболкой, вся грязная, а местами еще и в Милкиной крови. Прощмыгнув мимо родителей, она поспешила отмыться и переодеться в чистую одежду. Время было как раз к чаю и мама позвала всех к столу:

«Семейство! Чай готов!»

Вика вышла последней и тихонько села с краю. Не спеша потягивая чай, она даже не прикоснулась к сладкому. Все это выглядело странно, ведь Вика любила сидеть напротив телевизора по центру и от сладкого отказывалась, только если были проблемы. Родители не заметили настроение и задумчивость дочери не могли, но нарочно акцентировать внимание не стали. Мол, подумает, и сама расскажет.

Но Вика молчала, продолжая пить чай без сладкого, и даже без сахара, что вообще ей было не свойственно. В конце концов, отец не выдержал и спросил:

– Может все-таки расскажешь? Что случилось? И не отрицай! Я же вижу, что-то не так...

– Пап... – тут же отозвалась Вика, – Вот если бы ты сделал что-то плохое...

– О-па! – ошарашено ответил отец, – Так! Что, например?

– Ну, не важно... – отмахнулась дочь, – Вот если бы ты сделал что-то плохое, и от этого другому человеку было бы плохо... Ему бы грозило наказание, а ты, вроде как, его избежал... Вот как бы ты поступил?

Отец напрягся, предполагая, что дочь опять что-то натворила, а ему расхлебывать, но рассудил, что лучше сперва ответить на заданный вопрос:

– Ну... хм... От ситуации зависит, конечно... – сначала замешкался он, но потом добавил, – Я пошел бы и признался, надеясь на милость пострадавшей стороны. Принял бы наказание в соответствии с их решением. Постарался бы возместить ущерб. Только негодяи и недостойные люди плюют на это. Ты что-то натворила! Я прав? – строгим тоном спросил отец.

– Да... – с горечью в голосе произнесла дочь.

Родители были шокированы. За все время это был, пожалуй, первый раз, когда дочь не начала рассказывать о том насколько она «не виновата», а открыто признала свою вину. Но разговорить ее и узнать больше не удалось. Единственным вариантом было отправить ее умыться и спать, а расспрашивать уже завтра, когда она успокоится.

Однако с утра дочери и след простыл.

Вика спозаранку дежурила у дома Милы. Бессонная ночь в муках совести приносила свои плоды. Она уже готова была понести заслуженную кару, какой бы та ни была. Впрочем, она чувствовала вину не только за случившееся, но и за то, что не верила Миле, когда та предупредила о ненадежности Феликса.

Дома никого не было, ни Милы, ни ее родителей. Ждать пришлось полдня, в течение которого Вика успела и прогуляться по округе, и буквально изучить каждый сантиметр старенькой входной двери в квартиру Милы, и вообще всю эту унылую двухэтажную постройку пятидесятых годов прошлого века. Подъезд затхлый и прохладный, дверь не закрывается, а сам

дом даже по внешнему виду кажется покосившимся. Жили в нем в основном старики да пьяницы. Но в будний день никого не было.

Гуляя по округе Вика встретила Феликса в компании нескольких ребят. Вика проходила мимо, одарив его презрительным взглядом, всем видом показывая, что больше не хочет никогда его видеть. Феликс пошел за ней и хотел заговорить, взяв за руку, но Вика ее резко отдернула и ускорила шаг. Тот лишь махнул рукой в ее сторону и невнятно буркнул какое-то ругательство.

Школу, естественно, в тот день Вика прогуляла. Она сочла, что спасти подругу от тирана было намного важнее, чем один прогул, недовольство учителей и родителей. Наконец к квартире подошел мужчина, по виду напоминавший типичного уголовника. Он был невысокого роста, жилистый, брит на лысо, руки были в татуировках перстней. Когда этот человек посмотрел прямо на Вику, ей показалось, будто он ее вдавит в пол только взглядом. Зная отца Милы только по рассказам ее самой, Вика внезапно поняла, что ужастики о нем были вполне правдивы. Даже заговорить с этим человеком было страшновато, но Вика решилась:

– Здравствуйте... Вы – отец Милы?

– Ну, здравствуй! – внезапно очень по-свойски ответил мужчина, и довольно хитро добавил, – Предположим, да. А что надо?

– А Мила дома?

– Мила – в больнице! – отвернувшись к двери, произнес мужчина, вставляя ключ в замок.

– С ней все хорошо?

– Жить будет! Руку сломала и поранилась... Несерьезно! Куда серьезнее – что опять ослушалась, дрянь! Вернется – проучу так, что навсегда запомнит! – говорил мужчина, ковыряясь с замком, который явно заедал и не сразу открывался.

– Пожалуйста, не надо, – попросила Вика, жалостливо, как только могла.

– Это еще почему? – отвлекся мужик и обратил свой гневный взор на Вику, – Она призналась, что сама виновата! Играла на стройке, где я запретил... Упала... Сама виновата! Значит будет наказана!

– Это я... – промолвила Вика.

– Что «я»?

– Я виновата, что она там была и упала... – честно, но от испуга тихо произнесла Вика и уставилась в пол. По щекам текли слезы, тряслись губы и подкашивались ноги. Сердце ушло в пятки, но точка невозврата уже пройдена.

– Ты?! Э вона чё! – протянул мужчина и подошел к Вике настолько близко, что та даже отступила и уперлась в стену позади себя.

Вика посмотрела на него, а затем снова опустила голову, боясь поднять взгляд.

– А ты смелая! Раз созналась в этом! Но за свою жизнь я усвоил, что всякий проступок должен быть неотвратимо наказуем! Хочу, чтобы и она это хорошо усвоила! Так что она своё получит! – произнес он.

Вика наконец подняла взгляд, который был наполнен гневом, но ком в горле мешал произнести что-либо. Мужчина тем временем продолжил угнетающе злобным тоном:

– А вот тебя с ней рядом чтоб я больше не видел! Ясно? А то объясню популярнее!

Вика кивнула.

– Хорошо! Брысь отсюда! – произнес он спокойно, затем развернулся и пошел обратно к двери квартиры.

– Я просто хотела... – хотела произнести Вика, но не успела договорить.

– Я сказал: брысь отсюда!!! – крикнул мужик, чуть не оглушив Вику, и, обернувшись, двинулся на неё.

– Нет!!! – вскрикнула Вика так, что тот на секунду замер, – Я хотела сказать, что мне жаль! Я не хотела, чтобы Мила упала! Если кто и достоин наказания, то только... – но закон-

чить она не успела, получив мощный удар по лицу наотмашь. От неожиданности она потеряла равновесие и упала на пол. Казалось, мир вокруг погрузился в звенящую тишину – на несколько мгновений Вика оглохла. Ее раньше никогда по лицу не били, тем более так сильно. Ощущение сравнить было не с чем, но приятного ничего в нем нет. Пришла в себя она, вздрогнув от грохота двери, закрывшей квартиру Милы.

«Вот и наказание! – пронеслось в голове, – Но легче, чего-то не стало! Стоило оно того?!»

Вика медленно поднялась, отряхнулась и побрела домой. Придя к себе, она заперлась и долго сидела в ванной. Почти половина лица опухла и горела огнём. Приложив холодный компресс, Вика тихо плакала.

В этот вечер чаепитие она пропустила, сказав родителям, что за день очень устала, от чего у нее болит голова, и она хочет раньше лечь спать. Отчасти это было правдой. Иногда Вика и раньше пропускала вечерний чай, если сильно уставала, поэтому родители не обратили на это особенного внимания.

[1] рыцарский турнир, в ходе которого две группы рыцарей, вооружённых затупленным оружием, сражались друг против друга. С течением времени турнира, становится похожей на людскую свалку.

Глава 4. Чудеса случаются

На следующий день, узнав во дворе дома Милы, в какой больнице лежит подруга, Вика направилась её навестить. Вика была довольно самостоятельной девочкой и хорошо разбиралась в современных технологиях, она быстро проложила маршрут по карте и узнала, каким транспортом доберётся до места назначения. Родители ее отпускали одну ездить на автобусах, если только она будет на связи, предупредит куда едет и точно знает дорогу туда и обратно. Поэтому Вика утром быстро убежала в школу, а после уроков просто позвонила и предупредила их, что поедет в больницу навестить подругу. С собой она взяла карманных денег, недавно подаренный новый смартфон и любимый шоколад. Его родители покупали с запасом, учитывая чайную традицию и Викину любовь к сладкому. Фруктов и печенья она рассчитывала купить поблизости от больницы, чтобы не тащить с собой пакеты.

Милу отвезли в Горно-Алтайскую Республиканскую больницу. Оказалось, что перелом был сложный, со смещением, а в ближайшем травмпункте не оказалось специалиста, способного помочь в этом конкретном случае. Вика и не думала, что все настолько серьезно. Путь предстоял неблизкий, поездка грозила растянуться до самого вечера, а еще оставить Вику без карманных денег на этот месяц. Но ей было все равно, она не стала откладывать визит к подруге.

Добравшись с гостинцами до больницы, Вика застала Милу сидящей у окна. За ним, в редкий для осени солнечный день, гуляли люди. Ей тоже хотелось погулять, а не сидеть в больнице. Но без сопровождения ее не выпускали. От того она грустила и тосковала. Не нравилось ей и общество в палате, поэтому чаще она сидела в коридоре. Увидев подругу, она улыбнулась и приободрилась, а заведя синяк на щеке, хихикнула:

– Вот и ты! Мой герой и ангел-хранитель! Привет!

– Ага! Привет! Очень смешно! – съехидничала Вика, принимая сарказм.

– Понимаю, что не очень, но выглядишь ты примечательно! – Не удержалась от улыбки Мила. Затем вздохнула и добавила: – Я и не думала, что ты так поступишь! Фингал-то ночью не светится?

– Не светится! – насмешливо перекивляла подругу Вика, – Честно говоря, я немного в шоке от твоего папаши! Как вообще с таким жить можно? Но не вписаться – нельзя! Дружба важнее!

– Он мне вообще-то не отец... ну, да неважно! Очень больно? – уже заботливо спросила Мила.

– Чепуха! – махнула рукой Вика, – Ты-то как? Я тебе тут вкусняшек привезла! Чтобы выздоравливала быстрее!

– Не волнуйся! Жива! – улыбнулась Мила, – С такой подругой не пропадешь!

– Шоколадку будешь? Классная штука, когда болеешь! Хранитель счастья и улучшитель настроения. Так папа говорит!

– Спасибо тебе! Ещё спрашиваешь? Конечно, буду! – Мила смотрела на Вику не иначе, как с восхищением, радостью и едва ли не боготворя ее. Затем, внезапно немного потупив взгляд, она мягко улыбнулась, взяла здоровой рукой Викину руку и серьезно добавила: – Знаешь, я не думала, что ты так поступишь... Я этого никогда не забуду! Проси, что хочешь!

Мила посмотрела на Вику и в её взгляде ясно отразилась благодарность и желание отдать всё что угодно, что только она не попросила бы. Вика даже смутилась от такой серьезности. Все, что Вике было нужно, ей могли купить родители, а то, что она хотела – Мила вряд ли могла бы ей подарить. А даже если бы могла, глупо и нагло просить то, чего у нее самой нет. Оттого первое, что пришло в голову Вики – это отшутиться и попросить самое несбыточное:

– Хи-хи! Ну, крылья настоящие мне подари! – выдала Вика.

– Что, серьезно, что ли? Крылья хочешь? – с легкой иронией, но вполне серьезно спросила Мила.

Вику второй раз смутила серьезность вопроса. Но, решив, что подруга таким образом всё же шутит, парировала с такой же серьезной физиономией:

– Да-а-а! – и, кивая, добавила: – Конечно, серьезно! Сама же меня ангелом-хранителем назвала! А какой же ангел без крыльев?

– Понятно! – мягко улыбнулась Мила и едва заметно кивнула. Повисла небольшая пауза, которую разрушила Вика:

– Я тебе тут привезла смартфон, чтобы не скучно было. Там игр много и несколько фильмов.

– Смартфон? Серьезно?! Ты же знаешь, я в этом не очень разбираюсь... – смутилась Мила.

– Да ладно тебе! Времени у тебя теперь – вагон. Разберешься! Я только сейчас подумала, что стоило тебе вместо телефона планшет привезти, он поудобнее... Ну, в следующий раз тогда, ладно?

– Успокойся уже! Пойдем лучше чая выпьем с твоим «улучшителем настроения»!

Обе посмеялись и пошли пить чай со сладостями, что привезла Вика.

Остаток дня прошел на позитиве. Вика пробыла с Милой до вечера, пока посетителей уже не попросили на выход. Они много общались, смеялись и гуляли по парку перед больницей.

Вернулась домой Вика в хорошем настроении. Родители это заметили и вновь насторожились. Особенно когда увидели отчетливый синяк на лице дочери. Но на все расспросы Вика отшучивалась и ничего не рассказала ни о случае в заброшенном доме, ни о происхождении синяка под глазом. За школьный прогул пришлось отвечать, но она объяснила это необходимостью помочь подруге, к которой она и ездила в больницу.

Мать посмотрела на отца с укором:

«Вот! Научил – сознайся и жди милости! На тебе – дочь в синяках!».

Отец сам недоумевал и был встревожен, будто что-то предчувствуя, но не добившись ответов, отстал от дочери, решив попробовать узнать все сам. Поздним вечером он предпринял попытки навести справки о случившемся через соседей. Но никто ничего не видел и не знал. Оставалось только пойти в тот день спать, а ответа добиваться от дочери на следующий день.

«Плохо я знаю свою дочь и ее знакомых! Надо бы больше внимания ей уделять!» – пронеслось тогда в голове взволнованного родителя. Но он явно не представлял сам, насколько оказался прав.

Ложилась спать Вика с предвкушением, что обязательно поедет к подруге еще и на этот раз отвезет ей достойное развлечение. Думала над списком фильмов что надо загрузить в планшет, чтобы подруге было веселее. С этими мыслями она и заснула.

На следующее утро Вика проснулась очень рано. Рассвет еще едва проглядывал из-за горизонта, освещая темное звездное небо своим мягким оранжево-розовым светом. Из-за близости гор еще стояли сумерки.

Очнулась Вика оттого, что тело затекло от непривычной для сна позы. Ведь обычно она спала, свернувшись калачиком на правом боку, а тут оказалась на животе.

Вика попыталась перевернуться, но ей что-то помешало.

«В одеяле, что ли, запуталась?» – подумала она.

Но, ощупав рукой то, что она приняла за одеяло, поняла, что это что-то другое. Когда же она попыталась перевернуться на спину, то ощутила боль – как будто вывихнула руку. От этого она даже вскрикнула и тут же вскочила с кровати. Ощупав руку, она поняла, что с ней все было нормально. Тут оказалось, что держать равновесие вдруг стало труднее, за спиной было что-то, тянувшее назад. Немного попятившись, она задела туалетный столик, на котором стояло много всякой всячины вроде косметики и духов. От неожиданности она обернулась, и то, что было

за ее спиной, буквально смахнуло на пол всё, что на нем стояло. Тут она обратила внимание на отражение в небольшом зеркале над столиком...

Мурашки пробежали по всему телу Вики, затем бросило сперва в жар, потом в холод. Иначе, чем шоком, сие состояние назвать было нельзя.

Картина была следующая: домашняя синяя футболка, в которой она спала, была разорвана на спине в клочья. За спиной красовалась пара больших бело-сизых крыльев, напоминающих соколиные.

Вика смотрела в зеркало и не могла поверить отражению. Она поспешила в ванную, где было большое зеркало и яркий свет, чтобы лучше все рассмотреть. Плохо чувствуя габариты, она не вписалась в проход двери и врезалась в косяк правым крылом. Боль была реальная, но, даже не смотря на это, Вике всё ещё не верилось, что крылья настоящие. Поэтому целых полчаса она, дрожа и замирая, стояла перед большим зеркалом в ванной, и пялилась на отражение, иногда забывая, что надо моргать и дышать. Дух захватывало наблюдать растущие из-за спины крылья, которые подчиняются командам головы. Вика вновь и вновь ощупывала новое приобретение и щипала себя в надежде проснуться. Только вот от сна уже не осталось ничего.

По ощущениям, крылья были как вторая пара рук. Они слушались и расправлялись в стороны, шли назад и вперед, прижимались к телу. Перья были плотные и при это пушисты, приятные на ощупь. Двигать крыльями было крайне непривычно. Поначалу даже создавалось впечатление, что они живут сами по себе. Освоиться, не сбивая ничего вокруг, не получалось, поэтому Вика стала их придерживать руками.

От волнения в горле пересохло. Сердце колотилось. Все тело, включая крылья, пробивала нервная дрожь. Вчерашнее шуточное желание, сказанное Миле, сбылось. Крылья выросли.

Первая мысль, которая посетила Вику, когда она отошла от первого шока, была отнюдь не: «Вау! Крылья! Круто!», а что-то вроде: «Они черт побери настоящие... Представляю, что скажет папа... Да и мама... Вот теперь мне точно капец!».

Отойдя от ступора, Вика тихонько выглянула в коридор и, придерживая края крыльев руками крест на крест, шмыгнула обратно в свою комнату, попутно стараясь ничего не сбивать, не удариться и не шуметь. Она села на кровати и пыталась прийти в себя. Сердцебиение гулом отдавалось в ушах. Эмоции были чудовищной смесью страха, предвкушения трепки и вместе с тем поистине детского восторга, сравнимого с тем, когда найдешь новогодние подарки за месяц до нового года и увидишь там то, что хотелось. Ей хотелось кричать, только не вполне понятно от чего – ужаса или радости...

Спустя час-полтора за окном уже рассвело. В коридоре слышались шаги. Проснулся папа и, не спеша, зевая, прошел в ванную. Вообще он был «ранней птичкой», но сегодня почему-то вставать рано не сильно хотелось. Впрочем, тело работало по привычке и подняло его с постели супротив лени. Минут через пятнадцать он вышел чуть более свежий, но все еще сонный. Привычно войдя на кухню и включив плиту, он налил воды в чайник и поставил кипятиться. Кофе было единственным, что он хотел в такое тяжелое утро.

– Папа... – слышалось робкое обращение дочери за спиной отца.

– Вичка! Ты чего так ра... – начал было отец, но, обернувшись, договорить не успел. – Ох, Господи боже мой, етить твою мать! – выдал он и неловко махнув рукой, сбил с плиты чайник прямо себе на ногу.

Нецензурно выругавшись, он бросился сперва тереть ногу, потом протер глаза. Потом поднял чайник, выключил плиту, бросил на пол тряпку, чтобы вытереть воду позже, а затем еще раз протер глаза, и снова выругался. Теперь уже осознанно.

Вот так, увидишь ангела и почему-то про молитвы вспоминаешь далеко не сразу. Зато эпичных нецензурных выражений открывается неиссякаемый поток. Успевай уши затыкать.

Дочь стояла перед родителем, придерживая края шевелящихся за спиной крыльев. Она дрожала от страха сама, а от этого дрожали и крылья шурша перьями, что со стороны выглядело крайне забавно. Отцу, правда, было не до смеха:

– Они же... это... настоящие? – еще надеясь на шутку, произнес отец.

– Наверное, настоящие! – дрожащим голосом ответила дочь, едва сдерживая слезы.

Едва отойдя от шока, отец подошел, пощупал и подергал крылья, что были на дочери. Раньше он только куриные крылья шупал, когда-то давно на бабушкиной ферме. Пока не пощупал, все еще думал, что ему либо мерещится, либо очень крутой фокус. Но нет. Крылья росли из спины дочери в районе лопаток.

– Ты вчера, что? Секретную лабораторию ограбила, когда ездила к подруге? Откуда они? – наконец спросил отец.

– Не знаю! Вроде нет! – только и ответила почти плачущая Вика.

– Ну, ладно... тихо-тихо! Без слез только, ладно?! – произнес успокаивающе отец и, немного побаиваясь, обнял дочку. – Все хорошо. Не бойся! Папа рядом!

До этого трясущаяся дочь немного расслабилась. Это было понятно по тому, как ее крылья перестали шелестеть от нервной дрожи, пробивающей все тело.

– А магии часом не появилось? Может, ты и колдовать научилась?

– Не знаю, я не пробовала! – не отлипая от отца, произнесла Вика.

– Попробовать самое время! Вдруг и нормальный вид вернуть получится?! – сказал отец, отбросив остатки здоровой логики. Как человек науки, в магию и чудеса он упорно не верил. Хотя увидишь такое и поверишь во всё что угодно...

Вика зажмурилась, взмахнула руками, как видела в мультфильмах... И... Ничего! Вот только отпустила крылья из рук, те распрямились и сбили вазу, что стояла чуть позади на тумбочке. Та с грохотом упала и вдребезги.

– М-да! Видимо, не научилась! – констатировал отец и снова обнял дочь.

Трудно сказать, что творилось в голове родителя в тот момент. Хотя это было и натуральное чудо, но восторг в голове затмевал извечный русский вопрос: «Что теперь делать?».

В конечном счете, чувства скорее были схожие с теми, которые ощущаешь, когда близкий родственник попал в беду: страх и беспокойство...

Но подумать времени не было. На кухню вошла мать:

– Вы тут озверели совсем, что ли? Уже вазы бьете! Утро... а... а-а-а-а-а! – вскрикнула она, увидев Вику, и повалилась на пол, как подкошенная.

Отец отпустил дочку и бросился к жене. Вика стояла как вкопанная, все так же придерживая крылья руками. Он аккуратно привел жену в чувство.

– Эрке! – произносил он, обмахивая лицо супруги, а затем легонько похлопывая ее по щекам.

– Мама... – жалобно пискнула Вика, отпустив крылья, чтобы утереть слезы. Те моментально раскрылись.

Мать, едва придя в сознание и открыв глаза, снова его потеряла, стоило только увидеть перед собой дочь с шевелившимися крыльями.

– Вика, иди к себе! А то я так маму никогда в чувство не приведу! – велел отец.

Вика мигом скрылась в своей комнате. Упав животом на кровать, она обняла подушку и пыталась хоть как-то побороть нервную дрожь. Стараясь дышать глубоко и ровно, она почувствовала, что стало заметно легче.

Напившись успокоительного, родители вошли в комнату дочери часа через два. Дочка лишь жалобно посмотрела на них, явно не ожидая ничего хорошего:

«Ну вот... Сейчас накажут! Надеюсь просто поркой, а не отрезанием крыльев...» – пронеслось в голове.

Постояв минуту, оба родителя просто вышли, запретив подходить к окнам, чтобы никто из соседей ее случайно не заметил. Пол дня приходили в себя. Только ближе к вечеру стали расспрашивать Вику о том, что было накануне, пытаясь понять, как же это произошло. Но Вика и правда не знала, как и почему так получилось:

– ...Ну давай дочь, расскажи, как на духу – как это произошло? – начала мать присев рядом.

– Mam, пап, честно, я не знаю! Вчера я легла спать, а утром уже проснулась с ними...

– Ну так не бывает же!! Они же сами не растут как волосы и зубы! Ты в любом случае что-то сделала! – не унималась мать.

– Mam, ну правда – не знаю! Я ничего не делала! Оно само... – отвечала Вика, чувствуя, что губы трясутся, к горлу подходит ком, в носу щиплет, а глаза мокреют.

– Ладно, Эрке, оставь ты её! Если она даже что-то сделала, то вряд ли понимала, что произойдет именно это!

– Ну надо же понять!

– А смысл?! Ты ее сейчас просто до слез опять доведешь и время потратим. Есть более важные проблемы и вопросы. Пошли думать, как теперь быть!

Рассказывать о том, что она в шутку попросила крылья у подруги Милы, Вика не стала. Ещё, чего доброго, окончательно сведет родителей с ума. Кроме того, она и сама не могла в это поверить.

Как быть и что делать решали в итоге до глубокой ночи.

Мать настаивала на том, чтобы отвезти Вику в больницу и разобраться, как их дочь заболела такой невероятной мутацией. Отец был категорически против этой идеи. Если уж у них это вызвало шок, то чего говорить о других людях. Если это даже не чудо, то сенсация и феномен. И в погоне за изучением этого феномена научные коршуны не остановятся ни перед чем. Стоит им только ее отдать, назад они получают дочку мертвой, а может даже и мертвой не получат.

Тем временем Вика смотрела на родителей со стороны и безуспешно пыталась понять суть спора. Было ясно, что решается её судьба, но родители то использовали какие-то странные метафоры, то вообще уходили от темы. Если сначала они пытались договориться, то сейчас каждый стоял на своём, периодически повышая голос и даже переходя на крик.

Вика не вмешивалась, чтобы не попасть под горячую руку. Но спустя пару часов наблюдения за этим театром скандала устала и пошла обратно к себе.

Оставшись наедине с собой, она внезапно осознала до конца:

«Домечталась! На тебе! Что ж теперь будет? Надолго ли?» – думалось Вике.

Но потом включилась детская непосредственность и природное любопытство. Крылья теперь ужаса не вызывали, а скорее даже наоборот, они вызывали неподдельный интерес и очень нравились Вике.

Освоившись и поняв, как ими двигать и не сбивать все вокруг, она только и делала, что крутилась перед зеркалом. А в голову уже забредали мысли:

«Так, надо опробовать их в деле! Вот папка с мамкой заснут, надо бы на пустырь сгонять!».

То, что ей запретили даже к окнам подходить, чтобы ее не заметили, она предпочла забыть.

В кино и мультфильмах полет выглядит просто: расправил крылья и полетел. Что могло бы почти не так? Дома даже не попробуешь, их даже расправить нормально было невозможно. Тесно.

Крылья по-прежнему не совсем верно реагировали на команды, но Вика старалась разбираться в их работе. Еще старалась держать осанку и равновесие. Будучи новой частью тела,

по весу они не были сильно тяжелыми, но все же дисбаланс с тем, что было, наблюдался, в особенности, когда они открывались назад.

Вдруг до Вики дошло, что она до сих пор в рваной футболке. Надо было бы переодеться. Только вот во что? Крылья не помещались ни под какой одеждой даже в сложенном состоянии. Да и неудобно это – надевать какую-то одежду поверх таких массивных конечностей. Нужно было срочно изобретать одежду с их учетом.

Пока родители спорили, Вика, даже забыв про то чтобы поесть, решила попробовать скроить себе одежду из своих старых вещей. Она просто вырезала отверстия под крылья и подшивала края.

Думая, что это легко, Вика жестоко ошиблась. Попробовав несколько раз, она поняла, что это совсем не так просто, как ей раньше казалось. И что не стоило прогуливать школьные уроки труда, где разбирали кройку и шитье. Безвозвратно испортив несколько вещей, в итоге порванную футболку она заменила на почти такую же, но сделанную своими руками. Зато поняла, что этому надо будет обязательно научиться.

На работу в этот день никто не пошел, как и Вика в школу. Родителям пришлось организовать и себе, и дочери «больничный», ведь нарисовавшуюся кучу проблем нужно было обсудить, решить, а также спланировать хотя бы ближайшее будущее. Обсуждение прерывали только чтобы поесть. Несмотря на противоречия во мнениях буквально по каждому пункту, единственное, в чем родители наконец сошлись, был строгий запрет даже думать выходить на улицу и пробовать взлетать. А вот объяснить, почему, не удосужились, так как надеялись на благоразумие дочуры. Зря!

Буквально через день Вике уже не сиделось дома. Ночью, когда родители отправились спать, она прокралась к двери. Более-менее освоившись с движениями и равновесием, она решила не останавливаться на достигнутом. Желание испробовать крылья в деле побороло всякий страх. Тихонько повернув оставленный в замочной скважине ключ, Вика проскользнула на улицу.

Было прохладно. В окнах соседних домов свет не горел, все уже спали. Темноту ночи прорезали только фонари у дороги за забором.

Вика вышла на улицу. Было пустынно, только собаки лаяли где-то. На дороге и в округе никого не было.

«Только бы никто не встретился! Блин! Как же стрёмно! Так, ладно! Ничего! Смелей!» – старалась подбадривать она себя, а у самой аж дыхание перехватывало и каждый шаг давался с трудом.

Впрочем, спустя пять минут она поняла, что ничего страшного нет. Немного робея, но более уверенно Вика двинулась к полю, что было в конце улицы. До него было десять минут ходьбы, но, крадучись в темноте, прислушиваясь и оглядываясь, Вика ощущала эти минуты как вечность. И все же она добралась без происшествий и встреч с припозднившимися прохожими. Что может бодрить сильнее, чем гремучая смесь страха и желания?

По полю гулял ветерок. Подыскав небольшую ровную площадку, Вика расправила крылья. Ах, как было приятно наконец их вытянуть, помахать ими. Это было даже приятнее, чем, едва проснувшись, потянуться утром в постели. Порывы ночного ветра легко ударяли в купол крыльев, даря свежесть и прохладу. Чудесное ощущение!

Она еще раз огляделась вокруг и, поборов остатки страха, решила попробовать взлететь.

Думала, взмахнет она крыльями – и сразу к облакам полетит, как в сказке... Черта с два!

Для отрыва от земли у крыльев просто не хватало сил и резкости маха. Махать крыльями оказалось задачей весьма трудной. Как отжиматься после бурной вечеринки, если этого никогда не делал раньше. Не привыкшая к сильным физическим нагрузкам Вика не смогла оторвать свои тридцать шесть килограммов веса от земли. Она пробовала и так, и эдак, и даже

руками помогала. Все без толку. Со стороны она выглядела смешно, напоминала трепыхающегося птенца-переростка.

«Да что за фигня?! Ну летите уже!!!» – злилась Вика.

Битый час безуспешных попыток взлететь окончательно ее измотали. Напоследок она пробовала расправить крылья в стороны, затем с разбегу планировать на них. Но и это не вышло. Ведь при планировании по ветру их тоже нужно напрягать и удерживать в определенном положении, как бы сопротивляясь потоку. Не говоря уже о том, что надо еще и маневрировать. Но для этого мышцы в крыльях должны быть хорошо развиты. Этого у Вики еще просто не могло быть. Естественно, крылья ее не удержали, и она с разбега шумно грохнулась на землю, разодрав руки, ударилась животом, ногами и правым крылом сломав несколько перьев. Сломать перо по ощущениям словно сломалась выступающая часть ногтя: может, и не самое болезненное ощущение, но точно не самое приятное. А у Вики таких перьев – два огромных крыла. В сумме – было больно. Но это не самое печальное. Главное – обидно. Она-то думала, если будут крылья, значит захотел – и полетел. Сразу! О том, что этому еще надо учиться и прилагать усилия, как-то совсем не думалось.

Уставшая, грязная, помятая и местами разбитая, она в таком виде напоминала не ангела, а скорее голубя после встречи с агрессивными сородичами. Ничего не оставалось, как по-детски расплакаться, лежа на грязной земле и поджав под себя ноги.

«Дурацкие крылья! Ну, почему они не летят?! – в бессильной злобе плакала Вика. – Это все Мила...»

Тут вдруг ее осенило, что за ответами и советами нужно обратиться к Миле. И почему только она сразу не сообразила?

«Точно же! Мила! Надо ей позвонить!» – подумала она и даже взбодрилась.

Но, добравшись до дома, она не решилась. За ночь мало что может измениться, а будить подругу, лежащую в больнице, было бы некрасиво. Поэтому, отряхнув крылья, отмывшись, промыв и заклеив пластырем царапины, она отправилась спать.

Глава 5. Тренироваться надо!

Проснулась Вика после полудня. День был хмурый, набежали тучи и моросил дождь. Родители уехали, оставив записку с предупреждением: «Никуда не выходить и вообще вести себя тише воды ниже травы». Впрочем, после прошедшей ночи ей и самой не особенно хотелось. Еще и крыло после ночного падения побаливало.

Встав с кровати, Вика заметила грязь. Это кусочки земли, песка и вялой травы, которые застряли в перьях после ночных попыток влететь. Просто отряхнуть крылья было явно недостаточно, а, чтобы отчистить каждое перо и пух, нужно было потратить немало времени. Сейчас ей было не до этого.

Наспех поднявшись и перекусив, она весь день напролет пыталась дозвониться Миле. Тщетно. Звонки на телефон, который она оставила Миле, были безрезультатны и в трубке звучало одно и то же: «Абонент временно недоступен. Пожалуйста, перезвоните позднее». Куча отправленных СМС—сообщений не доходили до адресата. Не теряя надежды, она стала звонить в больницу, где лежала Мила. Но на посту либо было занято, либо не отвечали.

«Они там вымерли что ли? Или издеваются?!» – все сильнее вскипала Вика после каждого неудачного звонка.

Дело было к вечеру, а за день результатов никаких. К злости стало подмешиваться отчаяние.

Ночью не спалось. Раздумья и тревоги мешали расслабиться, еще и поза для сна непривычная – или на животе, или на боку. Крылья задавали свои правила отдыха. Сразу не привыкнешь.

За ночь Вика придумала хитрый план: утром она попросит Таньку, школьную соседку по парте, съездить в больницу к Миле. Таня была застенчивой и довольно глупенькой девочкой. Она плохо успевала по школьной программе и постоянно списывала домашнюю работу у Вики. Оттого по жизни была перед ней в долгу. Была только одна проблема: в отличие от самостоятельной Вики, Таня была зависимой от родителей, которые воспитывали ее, как трепетные наездки. Одну ее не отпускали даже в магазин. Чего там говорить о поездке через весь Горно-Алтайск... Но более удачного кандидата на роль гонца не было. После ссоры с Феликсом клуб развалился окончательно. Часть знакомых Вика удалила из списка друзей, другие ушли сами. С теми, с кем порвала из-за Феликса, восстановить отношения не успела в пылу последних событий. Оставшиеся знакомые и друзья были слишком любопытны, им такую задачу доверять было нельзя.

На третий день отсутствия в школе Вике стали обрывать социальную сеть и телефон вопросами «что случилось?», «куда пропала?» и тому подобными. В ответ она писала всем, что очень сильно заболела и еще долго в школе не появится. Попросила скидывать домашнее задание. В выходные друзья скопом собирались ее навестить, но Вика соврала, что заразная и сидит на карантине, к ней лучше вообще не приходить.

Пока писала сообщение, самой стало смешно:

«Ага, заразная... Укушу и крылья вырастут! Вот смеху-то будет!» – едва сдерживалась она. После нескольких звонков и притворного кашля, друзья, наконец, пожелали выздоровления и временно успокоились.

Субботним утром Вика позвонила Тане и попросила об услуге съездить в больницу к подруге, сказав, что сама поехать не может, так как тоже «заболела».

Таня долго ломалась:

– Вик, ну я не знаю... Меня не отпустят! Как я родителям объясню? Я даже эту твою Милу не знаю!

– Тань, ну пожалуйста! Ну я всё что хочешь тебе сделаю! Хочешь мою косметику, бери хоть всю!

– Ну блин...

– Платье мое серое помнишь? Отдам! Только сделай!

– А чего тебе она должна денег что ли? Почему такая срочность-то?

– Мне надо с ней поговорить... Там короче... Ну с Феликсом когда встречалась, в общем была ситуация. Только она мне может помочь!

– ААА! А мне то расскажешь?

– Лучше не надо! Дело деликатное!

– А позвонить ей никак?

– Да вот, что-то с телефоном у нее! Не могу дозвониться уже два дня!

– Ну ладно... Я попрошу родителей. А ты мне контрошку по алгебре за четверть, ОК?

– Договорились, только обязательно сделай!

– Угу, я позвоню!

– Супер! Пока!

«Вот до чего же меркантильная и мелочная девка! Не упустит шанса!» – подумала про себя Вика, откладывая телефон в сторону.

Таня смогла уговорить родителей на поездку только в выходные на следующей неделе, тогда и обещала зайти проведать Милу. Вике не очень понравилась новость ждать целую неделю. Но других вариантов не было, пришлось смириться и запастись терпением.

На следующий день состоялся серьезный разговор с родителями. Спустя несколько дней бурных обсуждений они все же пришли между собой к соглашению. Им, как людям ученым, было сложно принять такую действительность, но они все же смирились с фактом, что их дочка мутировала в недоангела-недоптицу. Но принять решение как дальше жить и действовать надо было всем вместе. Планы, мечты, уклад и порядок, да вообще всё в целом для всего семейства, не только для Вики подлежало перестройке.

Итог многодневного мозгового штурма – уехать в глушь и жить отшельниками. Другим и знакомым решили обосновать такое решение внезапно пошатнувшимся здоровьем Вики. Учиться предполагалось сначала заочно, а, чуть позже, удаленно по Интернету. Ну, а когда Вика повзрослеет – решать, как быть дальше.

Вику, как девочку активную, привыкшую быть в обществе и в центре внимания, такой расклад не просто расстроил, а возмутил. Это был жирный крест на всех её планах на будущее. Разумеется, она возразила:

– Ну почему мы уезжать-то должны? Всю жизнь что ли прятаться и бояться собственной тени?! Кроме того, как же учеба? Друзья? – возмущалась Вика, – И вообще, меня кто-нибудь спросил о том, чего я хочу? О чем мечтаю? Я не желаю торчать в лесу всю жизнь, как леший с горы!

– Вика! Успокойся и послушай! Давай рассуждать здраво – тебя в таком виде показывать людям нельзя! Ты была обычной и вдруг – на тебе, обросла крыльями! Верующие тебя, возможно, примут за посланницу Бога, а те, кто не верит, или верит в других богов, захотят тебя убить, приняв за посланницу Дьявола. Если даже не так, то тебя у нас отнимут и запрут в какой-нибудь лаборатории, чтобы изучить. – Старательно выбирая слова успокаивающим тоном говорил отец.

– Даже мы не знаем всего, что может произойти. Уверяю, доченька, мы просто любим тебя и за тебя боимся! Не хотим тебя потерять, – добавила мать, – Для нас-то ты по-прежнему дочка. Вне зависимости от того, есть у тебя какие-либо особенности или нет! Просто мы с папой считаем, что люди ещё не готовы тебя принять. Да и ты не готова предстать перед ними.

Было видно, что они желают донести мысль как можно более мягко и доходчиво. Гнев Вики сошел на нет, так как она в принципе это понимала, но не хотела принимать. Место гнева заняло огорчение:

– Ну почему обязательно так-то?! Может, наоборот, всё будет хорошо! Может, это нас сделает богатыми и знаменитыми?!

– Дочь! Богатство не количеством денег измеряется. Помнишь?! – строго сказал отец.

– ...а количеством ума и душевных сил, направленных на добро! Помню, папа! – угрюмо отозвалась дочь, – Просто... я не хочу всю жизнь прятаться и чего-то бояться. Не хочу быть одна, без друзей...

– Мы ведь с тобой, дочура! И мы обязательно все вместе подумаем, как дальше быть. Но сейчас лучше скрыться, пойми! – сказал отец, глядя в грустные глаза дочери, – Ну, не сидеть же тебе в доме, как в клетке?! Взбесишься! Да и крылья у тебя не для этого! – сказал он и потербил ее за перышко.

– Ладно, – уныло вздохнула Вика, – Просто... грустно это...

– Да, понятное дело! Придумаем что-нибудь со временем. – сказал отец, и все трое обнялись.

Конфликт от недоумения внутри Вики все равно оставался. В ее понимании ангела, пусть и не совсем настоящего, люди только и ждут. Почему же должно быть все так плохо, если она покажется в обществе? И всё же, посидев на досуге и подумав, Вика поняла, что определенный страх был и у нее:

«Вдруг родители правы, и стоит выйти, как попадешь в беду! Закончить жизнь в больничной палате – мрачная перспектива, по сравнению с жизнью в лесу!»

Так все и решилось. Дальше постепенно стали обсуждать варианты переезда. Когда стали готовиться к ужину Вика решила-таки задать наболевший за последнее время вопрос:

– Пап!

– Да, дочь?

– А ты научишь меня летать?

– Я? – удивился отец. Наивный вопрос и полный надежды взгляд дочки ждал только положительного ответа. – Конечно, научу! – улыбнулся Григорий и похлопал ее по крылу, как назло именно по тому самому, что было ушиблено и еще болело. Вика едва не взвизгнула, но сдержалась и тоже улыбнулась в ответ.

Со следующего дня родители занялись воплощением плана. Предстояло многое сделать: найти куда переехать, на чем, как устроить быт, где брать еду и воду. Кроме того оставалось ещё множество житейских проблем. Как деньги зарабатывать? Как Вике учиться дальше? Плюс примерно миллиард непростых вопросов. Времени на всё было крайне мало, не больше месяца. Столько времени в сумме можно было выбить, суммируя больничный лист и срочные отпуска обоих родителей. Уходить с работы или идти в отпуск за свой счет они не могли, учитывая громадные расходы, связанные с переустройством жизни.

Сложность была еще и в том, чтобы не вызвать подозрения у социальных служб, школы и других учреждений, следящих за соблюдением прав детей. Просто так ребенок пропасть не может. А значит, нужна была надежная легенда, почему она не может ходить в школу и должна переехать. Мысль была одна: найти продажного врача, который бы написал диагноз либо не видя Вики, либо, даже если увидит, чтобы потом не проболтался. Это была сложная задача, и отец взял её на себя.

Вика, разумеется, не вникала во все эти сложные моменты. А если бы ей рассказали, то, скорее всего, она бы не все поняла. Поэтому она просто грустила, тихонько сидела дома и ждала переезда. Ну, и еще ждала, пока от Тани придет весточка о поездке к Миле.

Неделя взаперти длилась, словно год. Вика уже с ума сходила, сидя в четырех стенах. Планшет, игры, телевизор, рисование – вообще все надоело. Природной энергии не было

выхода. А ведь ещё так долго ждать... Но Вика старалась об этом не думать пока, надеясь, что удастся поговорить с Милой и хоть что-то выяснить.

И вот выходные. Ожидать звонка от подруги она начала с утра. Но Таня позвонила только в субботу вечером. Вика даже подскочила на месте и всплеснула крыльями, предвкушая разговор с Милой:

– Привет, Тань! Ну что? Есть новости?

– Вик, привет! Слушай... Я так и не поняла, куда ты меня отправила. В больнице и той палате Мила Казакова не лежит, – с недоумением сказала Таня.

– Да ты чего?! Как так?!

– Ну... вот так нам сказали... Не лежит, и не лежала никогда!

Вика в шоке опустила на стул.

– Это бред какой-то! – только и произнесла она.

– Может, ты ошиблась больницей или отделением? В том отделении вообще никто с похожей фамилией не лежал...

– Да нет же! Как я могла ошибиться?! – изумленно произнесла Вика, а у самой даже рассудок помутился и ноги онемели.

– Ну... не знаю, короче! Как поправишься, сама езжай, ладно?

– Угу... Хорошо... Спасибо... – только и смогла выдать Вика.

– Ну ладно, поправляйся! Похоже, ты пока еще не очень. Держись там! Я, может, зайду в гости на днях, о'кей?

– Да, хорошо... пока! – ответила Вика и отключила телефон.

«Не может быть!» – только и крутилось в голове, – «Я же сама там была! Может ее выписали, она уже дома? Надо до нее добраться!»

Ночью Вика решила тайком совершить вылазку к дому подруги. Это было ей уже знакомо. Только в этот раз, привычно тихонько прокравшись к двери, она вдруг обнаружила, что всегда открытая дверь во двор заперта, а ключа на месте нет.

– Куда-то собралась, ангел мой? – послышался над ухом отцовский голос.

Вскрикнув от испуга, Вика подпрыгнула и замахала крыльями. Затем закрылась ими, как куполом и встала неподвижно. Отец зажег в прихожей свет и продолжил:

– Ты в домике, да? Ну-ну! Кто-кто в теремочке живет? – издевательским тоном сказал отец и постучал по куполу из крыльев, – Мы ведь вроде договорились, что на улицу ни ногой?!

– Пап! Ну, очень надо... – промямлила Вика, вылезая из-под купола крыльев.

– Куда? В туалет? Вторая дверь налево по коридору!

– Мне очень нужно поведать подругу!

– Какую, нафиг, подругу?!! Тебе вообще никому показываться нельзя!!! Еще и в три часа ночи! – выпалил отец.

Вздыхнув, дочь выложила отцу невероятную историю о подруге Миле, которая, очевидно, причастна к появлению крыльев и ко всему происходящему. Отец, конечно, выслушал, но мотал головой и едва сдерживал сарказм. В конце концов, он всё же не сдержался:

– Тьфу ты, блин! Сказки Братьев Гримм! Ты сама-то в это...? А, ну да! Я и забыл... ты-то в это как раз веришь! – произнес отец.

– ...Я и хочу понять, это она сделала или нет?! – сказала Вика, умоляющим взглядом смотря на отца.

– А почему ей позвонить-то нельзя? Идти-то зачем?

– Да я всю неделю ей пыталась дозвониться! Может с телефоном что-то! Но я знаю, где она живет! – убедительно ответила Вика.

– А-а-а! Вон оно что!

Отец поколебался, но согласился пойти под покровом ночи вместе с Викой к дому Милы. Он припоминал, что кого-то Вика представляла таким именем, но поскольку дочь общалась

со многими и приводила в дом не один десяток парней и девчонок, уже забыл, как выглядела та самая Мила.

Выходить на улицу ночью и идти бог знает куда с дочерью, у которой такая заметная особенность как крылья – нешуточный стресс для любого родителя. Григорий хоть и не был трусом, но в этот раз однозначно боялся больше дочери.

«Что делать, если нас увидят, или если встретимся с какими-нибудь бандитами? Страшно подумать! Впрочем, думать меньше надо, соображать больше! Ради дочери надо рискнуть!» – проносилось в отцовской голове.

И вот темной прохладной алтайской ночью, обходя все фонари и прямые источники света, спотыкаясь и чуть не падая, отец и дочь крались к дому Милы. Сначала было очень страшно, но, блуждая около часа и не встретив никого, отец и дочь перестали красться как воры и перешли на обычный шаг. Главное теперь было не заблудиться в темноте.

Добравшись наконец до заветного дома, в котором жила Мила, они наткнулись на препятствие. Перед подъездом стояли две скамейки, на которых собиралась местная гоп-молодежь и взрослые закоренелые алкаши. В выходные они пили «Чывась Рыгаль». Так тут именовалось пиво с водкой. Как на грех, так было и на этот раз.

Григорий остановил Вику неподалеку, где были деревья и кусты:

– Так! Мы туда не пойдем! Домой! – заявил шепотом отец и взял дочь за руку.

– Папа! Перестань! Они даже не поверят тому, что у меня крылья! Подумают, померещилось спяну... – ответила Вика, выдерживая руку.

– Сдурела?! Вика! Быстро домой! Без разговоров! – довольно громко рявкнул отец.

Поскольку это было уже не очень далеко от компании пьющих, те обратили внимание на перепалку отца и дочки в полумраке.

– Ах ты ж черт! – произнес отец, наблюдая как в их сторону уставилась вся компания. Пока отец соображал, что делать, Вика уже приняла решение. Она ринулась вперед и для пущего эффекта распахнула крылья в стороны, затем вверх и снова сложила их за спиной. В свете одинокого фонаря и месяца в ночном небе всё выглядело просто невероятно.

Эффект превзошел все ожидания. Пьянь обомлела. В гробовой тишине от окна одной из квартир послышался голос какой-то старушки:

– Услышал Бог мои молитвы! Наконец-то эти скоты заткнулись!

Алкаши и гопники тем временем, очевидно, забыли не только про алкоголь, но и как дышать. Один уронил бутылку. Второй икнул. Третий, заикаясь, произнес: «Водка паленая... была... пацаны!». Четвертый как стоял – так и упал, словно озимый.

Вика некоторое время просто стояла и молча наблюдала. Ей было бы достаточно сказать «бу!» и народ бы разбежался врассыпную. Правда, с учетом алкогольного опьянения, скорее просто попадал бы. И все же она немного побаиваясь. Нависла давящая пауза.

Увидев истинный страх взрослой публики, Вика почувствовала уверенность, осмелела и резко заявила:

– Заканчивайте пить и орать тут! Люди спать хотят! – прикрикнула она и снова распахнула огромные крылья, слегка выдав их вперед.

– Простите... а вы... оттуда? – спросил один из ближе стоявших, показывая на небо.

– Оттуда! Нигде от вас покоя нет! – выдала Вика.

Тут «кирпичный завод» в собственных штанах, очевидно, открыли все стоявшие у подъезда. Многие протрезвели, но только мысленно. При попытках покинуть позицию понимали, что ноги едва слушаются. Впрочем, они очень старались, обходя «Ангела Вику» стороной. Даже бутылки выкинули в урну, а не бросили в кусты, как обычно.

– Все-все! Все-все! Клянемся... Ой, тьфу... Каемся!

– Уходим... Короче, не гневись! Ни капли больше! Заявьем, честное слово! – доносилось из толпы.

Лишь один из пьяниц упал перед Викой на колени и припал к ее ногам:

– Помилуй! Прости меня, дурака! – залился мужик слезами.

– Эй! Отстань! Прощать его ещё... Ишь чего захотел?! – вскрикнула Вика и отдернула ногу, которую тот уже хотел целовать.

– Умоляю... Умоляю, прости! Я не хотел! Спиваюсь совсем! Отпусти мне грехи! Христом бога прошу! Умоляю! – рыдал пьяница, валяясь в пыли в ногах у Вики.

От бывшей спеси и наглости крылатой дивы не осталось и следа. Более того, Вика не на шутку испугалась, пытаясь оттолкнуть мужика:

– Да отвяжись ты! Поделом тебе! Па-ап! – крикнула она.

Только после возгласа дочки, отец, отойдя от ступора, поспешил к ней на помощь. Он знал, что дочь у него растет той еще артисткой, но явно недооценивал её талант. Впрочем, роль крутой девчонки она до конца не выдержала, и доброму папе пришлось опять решать за нее проблемы:

– Все-все! Родной! Давай домой! Завтра проснешься, как новенький будешь! Пить завяжешь. Новую жизнь начнешь. Только давай домой сейчас, ладно? – поднимая мужика с колен, говорил отец, уводя его прочь от дочери.

– Правда? – спросил мужчина, глядя на отца Вики как на Апостола Господа Бога.

– Ну, конечно! – ответил Григорий.

– Грешен я... как уволили с горного рудника, не знаю куда податься... но я изменюсь! Жизнью клянусь! Только простите меня...

– Вот и хорошо! Нет проблем! Найди себя! Все наладится! Только давай сейчас иди, иди.

– Спасибо!

– Рад помочь!

Пьяница исчез из виду, и во дворе воцарилась тишина.

Отец подошел к дочери, на лице которой было торжествующая ухмылка:

– Ну, что? Видел, как я их?! – гордо сказала Вика.

В ответ последовал подзатыльник. Вика айкнула и сложила крылья потирая затылок.

– Еще раз подобное сотворишь – накажу! Сильно! Нельзя так с людьми! – рявкнул отец, – Ты же видишь, что он слепо верит, что ты ангел! Вот только ты – не ангел! Ты – моя дочь! А моя дочь никогда не будет жестокой и бессердечной! Тем более к тем, кто видит в ней спасение! Религия не игрушка! Ты меня поняла?!

– Да... – угрюмо ответила Вика, – Ну, а как я должна была поступить?

– Человек стоит перед тобой на коленях и просит прощения! Дай ему понять, что все будет хорошо, если он изменится и перестанет делать то, что его убивает. В данном случае пить... Дай ему надежду!

– Угу, – кивнула Вика и спросила следом: – А разве такие заслуживают надежды?

– Любой человек заслуживает надежду на то, чтобы быть счастливым! Особенно если он признает свои ошибки и раскаивается в них! Ясно?

– Ясно...

– Хорошо, когда ясно! Идем! – скомандовал отец, и оба вошли в подъезд. – Где ее квартира-то?

– На втором этаже... Четвертая.

Оба поднялись. И снова шок!

Дверь в квартиру открыта настежь, а в самой квартире такое впечатление, что не жил никто несколько лет. Пыль, грязь, бутылки, старые газеты, мебель не было, окна заколочены. Обойдя квартиру, Григорий наконец сказал:

– Вик... Лажа какая-то! Хочешь сказать, она тут жила? Ты ничего не перепутала? – спросил отец, освещая голые стены квартиры фонариком мобильного телефона.

– Да как так-то? Как так??! – вскрикнула Вика и, сев на корточки, расплакалась закрываясь крыльями.

Отец понял по реакции дочери, что она действительно была уверена, что ее подруга живёт тут.

– Эй-Эй! Ладно, успокойся! Давай-ка, пойдем отсюда! – сказал отец, обнял дочку, и оба направились к выходу.

Выйдя из подъезда, они спешно посемили домой. Вот только «гордая птица» по имени Вика теперь шла не так уверено, а держалась за папу. Григорий уже как-то даже привык, что у нее есть крылья, будто были всегда. Волновался только за нее постоянно, учитывая ее жажду приключений, нрав и характер.

По щекам Вики тем временем ручьями текли слезы. До этого похода Вика еще думала, что крылья хоть и настоящие, но на ней временно: до поры, пока она с Милой не встретится и та не заберет их назад. А тут до неё наконец дошло, что это навсегда. Мысли, подпитанные страхом, роились и жалили душу, словно осы. Проклиная свою глупость, Вика теперь только и думала:

«Чёрт меня дернул сказать тогда про крылья! Куда Мила делась? Зачем она так со мной? Ведь мы же подруги! Были... Куда она пропала? Как теперь жить? Постоянно от всех прятаться и выходить вот так, только ночами? Или в изоляции до старости? Что будет с нашей семьей?».

Нервы, поведение и слёзы, которые сами текли по щекам Вики, не остались без внимания отца, который, как и многие мужчины, не любил этого. Наконец Григорий не выдержал и сказал:

– Вик, ну перестань! Чего рыдать-то? Все будет хорошо! Я тебе обещаю! Веришь?

– Ничего уже не будет хорошо! Вы с мамой сами недавно объясняли, каково мне будет теперь! Да чего там?! Я даже летать не умею! Зачем они тогда мне вообще нужны?!

– Ну знаешь ли? Самолеты тоже когда-то летать не умели. Птицы далеко не сразу из гнезда вылетают! В жизни всё всегда дается не просто! Особенно вначале. Но ты же не инвалид! Да и мы с тобой! Вместе мы все преодолеем!

– Папка! – пропищала Вика, ухватившись за руку отца и буквально повиснув на ней.

«Ребенок ещё! Ей Богу!» – подумал Григорий, но сказал другое пытаясь ободрить дочь:

– Ты же у меня взрослая, умная, сильная и красивая?

– Да...

– Ну, и плакать, значит, не будем?

– Не будем... – ответила Вика, утирая слезы.

Так они и вернулись домой.

Глава 6. Школа реальной жизни

Прошло более двух месяцев, прежде чем семье удалось решить проблемы и начать реализацию плана под названием «Побег в алтайскую глушь». На регион в это время неотвратимо надвигалась холодная сибирская зима. В такое время, надо сказать, сидеть в теплом доме куда лучше, чем выходить на улицу. Но Вика от заточения в домашней тюрьме уже тихонько сходила с ума. Дома она часами проводила у телевизора и компьютера, следила за домашним хозяйством, много рисовала, занимаясь уроками, научилась шить и работать с разным материалом, а еще переделала всю свою одежду под «крылатый вариант». Но едва ли все это могло компенсировать круглосуточное сидение взаперти, отсутствие общения с другими людьми и всецело пассивный образ жизни, который Вике попросту был противен.

Послабление в «режиме» было только одно: по ночам отец разрешал ненадолго выходить на прогулку в сопровождении его или матери. Работы у обоих родителей было невыносимо много, они очень уставали, но всё же выходили с дочкой погулять.

На прогулках оба родителя стали потихоньку изучать процесс работы Викиных крыльев и пытались разобраться, как в будущем научить дочь летать. Но это были пока не полноценные тренировки, а скорее попытки понять механику процесса. Они даже снимали это на видео, чтобы потом пересмотреть замедленно. На этот раз Вика проявляла больше сознательности и с родителями не спорила.

Из-за малой физической нагрузки и тоски Вика сперва поправилась, а потом резко похудела. Крыльям тоже было не сладко, даже цвет перьев потускнел. По сути большую часть времени они не работали, а просто болтались сзади. Небольшие попытки хотя бы подняться на метр на месте даже за аэробную нагрузку считать было нельзя. Им нужны были настоящие упражнения, это уже было понятно всем.

Самой Вике в часы ночного выгула вспоминалась сказка про гадкого утенка, который тоже прятался и выходил погулять по ночам, когда никто его не видел. От таких сравнений было и смешно, и грустно. Впрочем, она старалась не вешать нос и верить, что эти лишения не вечны и не напрасны. Но мысли об обратном иногда закрадывались.

Впрочем, жаловаться ей было бы грешно, ведь родителям приходилось в разы тяжелее. Вика и рада была бы помочь им, да только в ее положении лучшей помощью было не мешать и не показываться. Однако едва ли крылатая девочка-подросток до конца понимала всю сложность ситуации, хоть и достаточно знала о ней. Родителям приходилось ежедневно врать всем, кого они видят и знают на всех уровнях. Просчитывать все возможные лазейки в «легенде», которые у окружающих могли бы вызвать подозрения и выдать всех троих с потрохами. Решать самые сложные вопросы иногда не только на грани своих возможностей, но и на грани закона. А еще сдерживать натиск общественности.

Так, сперва на отсутствие Вики обратили внимание в школе. Срочно нужно было документально подтвердить обстоятельства. Отцу стоило громадных усилий, чтобы сделать поддельную справку и выписку о том, что Вика тяжело заболела. Пришлось буквально молить врача и заведующую в местной поликлинике. Те сперва ни в какую. Собирались либо заявить в полицию, либо нагрянуть к ним с проверкой. Но за полугодичную зарплату каждому согласились, не глядя написать ей жуткий диагноз.

«Ушлые граждане! За клочок бумажки такие деньжищи! – думал про себя Григорий, – Но если б не они, то ничего бы вообще не получилось!»

Затем на отсутствие столь яркого ребенка обратили внимание соседи. Сначала были вопросы, а потом они буквально стали шпионить. В этот период Вике, как вампиру, приходилось жить с зашторенными окнами и прятаться в подвале. Впрочем, это только подогревало соседский интерес. Пошли подозрения, что Вику истязают, а некоторые полагали, что

она и вовсе уже мертва, а семья просто скрывает это. Пошли сплетни. Некоторые особо страшные и обнаглевшие пару раз даже влезали на участок и вламывались в дом. Лишь чудом Вике удалось спрятаться. В итоге сплетни стали перерастать в народные волнения. Пошли угрозы коллективно сообщить в полицию об исчезновении девочки. Тогда уже Вике пришлось предъявить общественности.

Это был целый спектакль. С декорациями, реквизитом и продуманной ролью. Вика появилась в окне, а общалась через Скайп. Крылья скрывала черная матовая ткань. Этой же ткани пришлось завесить буквально всю комнату. В программе специально ухудшили изображение, чтобы было не понять, что у нее за спиной что-то есть. Просто темные разводы... Предъявив поспевшую к тому моменту справку возмущенной общественности, пришлось открыто солгать, что у Вики тяжелая форма иммунодефицита и ей нельзя больше ни с кем контактировать, чтобы не заболеть.

Родителям, в отличие от Вики, и вовсе пришлось репетировать роли целую неделю. Не привыкли они так много и откровенно лгать столь большому количеству друзей и знакомых. Но всё прошло удачно. Спектакль сработал. После него соседи и буквально вся улица сочувствовали семейству и шпионить за ними наконец перестали. Даже хотели организовать сбор средств на лечение, но родители благодарно отказались.

Так Вика и жила в это время, казавшееся тягучим, как смола, свыкаясь с новыми конечностями и новой участью, и надеялась на позитивные перемены, над которыми всю работу делали родители.

Как ни странно, самой простой задачей оказалось найти место, куда переехать. У матери был знакомый егерь, который как раз продавал свой участок, расположенный за горами в долине, и собирался поехать на Дальний Восток. Зачем – не сказал. Но и вопросов не задавал, когда родители заинтересовались покупкой земли и недвижимости.

Цена сего приобретения была немалая. По меркам республики Алтай даже солидная. Но условия были тоже впечатляющими: огороженный участок, утепленный дом, генератор, скважина с питьевой водой, баня, кухня, спокойное живописное местечко, защищенное горой и лесом от посторонних глаз, и подъездная грунтовая дорога – стоили тех денег, что просил владелец. Пространства хватало и на огород, и даже на содержание скотины, если понадобится.

Договорившись о рассрочке и, продав часть собственности, семейство начало готовиться к переезду в глушь заповедного таежного леса в объятиях Алтайских гор.

Момент истины. Сделка оформлена, припасы на новом месте заготовлены, осталось лишь вещи собрать. Эту задачу поручили сдуревшей уже от скуки Вике, что помогло ей разбудить энтузиазм и обрести бодрость духа.

«Наконец-то мне поручили что-то серьезное!» – подумалось ей.

С поставленной задачей она на девяносто процентов справилась, упаковав всё, кроме самых тяжелых и громоздких вещей, которые нужно было разобрать на части. Родителям даже заставлять её не пришлось, что их несказанно обрадовало.

Переезд наметили ранним зимним утром в пятницу, когда уже светает, но народ в домах еще крепко спит. Для перевозки отец арендовал «Газель» с занавесками на окнах. Благо в свое время получил права нужной категории и сам мог отвезти семью на новое место.

Наступило утро. И началось...

Утром все вскочили, как по команде. Наспех позавтракали и начали грузить вещи. Вика активно помогала, хоть, по идее, ей светиться было нельзя. Впрочем, времени в обрез, нужны были все резервы.

Из-за спешки вещи пихали в машину как попало. И вот, когда дошла очередь залезать в машину самой Вике, внезапно стало ясно, что со своим оперением в переполненную «Газель» она не помещалась. Пришлось по новой разгружаться, комплектовать и укладывать. Никто в суматохе и не подумал, что дочери нужно столько места.

Возня затягивалась и грозила оказаться слишком заметной соседям. В итоге оставили все твердое и громоздкое и впили в кузов Вику. На улице мороз градусов двадцать, а семейство буквально в поту, в спешке пытаюсь уместить всё в машине. Интеллигентные родители порой шепотом не сдерживали бранных слов. Ибо солнце уже в зените, а они еще не в дороге и могут вот-вот обнаружить все мероприятие, подготовленное с таким трудом.

Наконец, всё погрузили. Отец сел за руль, мать – на втором сидении, Вика – в кузове. Там было тесно, неудобно и очень холодно. Прогревалась машина долго. Тронуться удалось только через полчаса.

Чтобы хоть как-то располагаться сидя, ей приходилось изо всех сил вытягивать крылья вперед, как если руками тянешься к чему-либо. Сидеть в таком положении долгое время утомительно. Суставы начинали болеть, а сами крылья затекать. Пристегнуться – задача невыполнимая. А поездка по российским дорогам с учетом не пристёгнутого ремня, да еще в кузове «Газели», называется не иначе, как испытание на прочность для Вики и ее крыльев. Того и гляди, либо ударишься, либо вывихнешь крыло, либо сломаешь перо. В общем, ехали с горем пополам, едва сдерживаясь, чтоб не орать благим матом.

Когда выехали на шоссе, Вика начала ныть, что больше не может так ехать. Выругались. Остановились. Обдумав, решили связать несколько сумок с мягкими вещами и накрыть тканью, чтобы получилось что-то вроде матраса, на котором она могла бы лежать. Поковырялись. Сделали. Вика улеглась и двинулись дальше. Даже скорость набрали.

Вика расположилась поудобнее, чтобы подремать, но не тут-то было. Прогноз на безмятежный сон всего Алтая оказался верным только отчасти. Город, может, и спал, деревни уже просыпались, а вот ГИБДД в это утро вообще не спалось. Спустя всего несколько километров пути машину остановили.

Родители заметно нервничали.

– Блин! Гайцы! Что делать будем? – спросила Эрке.

– Не суетиться! Вика, чтоб не звука! – строго сказал отец.

– Хорошо! – ответила Вика и задернула шторку между кабиной и кузовом.

Не утратив своей вальяжности ранним утром даже на таком морозе, подошедший к ним полицейский представился:

– Старший лейтенант Бейбулатов, прошу ваши права и документы на машину! – протокольно заявил лейтенант с хитрым прищуром, подойдя к водительской двери.

– Доброе утро. Пожалуйста! – улыбнувшись, произнес отец, открыв стекло и предъявив документы.

– Куда едем?

– В гости. К знакомому егерю... – немного неуверенно сказал отец.

– Оружие с собой имеется?

– Нет, что вы?!

– В машине есть другие пассажиры?

– Эм... Да нет! – ответил отец.

– Угу... Заглушите мотор и откройте салон.

Тут у всех троих сердце ушло в пятки, и это явно отразилось на лицах отца и матери. Лейтенант, искоса наблюдая, заметил это и стал уверенно настаивать:

– Ну, я долго ждать должен? На улице не лето!

– А в чем собственно дело? – встряла мать, – Мы что-то нарушили?

– Сопровождаем представителя власти?

– При чем тут сопротивление?! Сами же сказали, на улице не лето, а вы просите открыть салон, а у нас там... вещи, которые переохладить нельзя... Я, как эколог, возражаю!

– Ну, а я, как представитель власти, настаиваю! Я должен убедиться, что вы не перевозите ничего запрещенного на территорию заповедника! – резко ответил лейтенант, – Может вы контрабандисты или браконьеры!

– И с чего такое заключение? – недоумевающе спросил Григорий.

– Арендованная груженная машина... С утра. Путевого листа нет, маршрут неясный. Подозрительно! Открывайте добровольно, или придется вас сопровождать в отделение до выяснения обстоятельств! – отчитал лейтенант.

Спорить бесполезно. Родители вылезли и пошли открывать боковую дверь. Открыли. На сумках сидит Вика с торчащими из-за спины крыльями.

– Здравствуйте! – произнесла Вика и улыбнулась своей обаятельной и самой невинной улыбкой. Крыльями старалась не двигать и держать их в одном положении.

Лейтенант подумал, что ему померещилось. Снял перчатки, протер глаза. Переглянулся с родителями. На лице тех, впрочем, не читалось ничего особенного, кроме ожидания его реакции, будто так и должно быть. Лейтенант снова перевел взгляд на Вику. Когда к нему вернулся дар речи, он собрался с мыслями, принял невозмутимый вид и, взглянув на родителей, произнес:

– Кхм... Так! Граждане... Это кто?

– Ну, как кто... Это вот... наша... это самое... дочь... – отец отчего-то растерялся и мямлил как двоечник у доски с невыученными уроками, под натиском такой вот реальности. Мать вообще онемела и едва отличалась от снега по цвету кожи.

– Кхм! А документы есть? И... Кхм! Как бы это сказать-то... Откуда у нее? Ну... эти? – произнес страж порядка, показывая жестами крылья.

– Да... как вам объяснить? – нервно усмехнулся отец.

– Спокойно! Они искусственные! – усмехнувшись, вдруг уверенно сказала Вика, видя смятение всех троих, – Выглядят натурально, это да! Но это папье-маше! Мы едем в Китай на карнавал, а крылышки мне так понравились, что я не захотела их снимать!

– Хах! Ну надо же?! А выглядят как настоящие... тонкая работенка! Каких только умельцев земля российская не носит?! – усмехнувшись, произнес лейтенант, прищуриваясь, разглядывая Вику, и вдруг опомнился, – Так! Стойте-ка! Вы же сказали, что к егерю едете! Нестыковочка получается! – обратился он к Григорию.

– Никаких нестыковок! – продолжила Вика, – Перед тем, как в Китай ехать, мы собирались заехать к дяде Леше. Он егерем работает, прямо за селом Онгудай.

– Так это вам ехать целый день придется! Спина не затечет с этими штуками столько сидеть?

– Я с ними уже сроднилась! И потом, не хочу выходить из роли. По правилам мероприятия я должна буду с ними быть везде. Так что... привыкаю к тому, что я с ними надолго! – без тени сомнения сказала Вика и снова улыбнулась.

– Талантливая у вас дочка! – сказал лейтенант родителям и усмехнулся, – Ну, удачи тебе!

Он демонстративно посмотрел ближайшие вещи и сумки, оглядел салон. Затем козырнул, вернул документы и с налетом легкого смятения буркнул:

– Кхм... Ладно, извините за беспокойство. Счастливого пути!

– И вам... в смысле всего доброго! – произнес отец, складывая документы в карман и возвращаясь в машину. Мать молча закрыла дверь салона и тоже села на свое место.

Лейтенант с экипажем уехали. А родители все еще были не в себе. Усевшись в машину, они несколько минут молчали. В этот раз нервная дрожь была у Григория. Он сидел и думал:

«Чуть все не завалили! Столько времени играли в шпионов со всем честным народом, а к простой проверке прав на дороге оказались не готовы. А Вика всех вот так запросто переиграла!»

О чем думала Эрке было неизвестно, она лишь сидела и пялилась в одну точку пытаясь успокоиться и глубоко дышать.

Наконец отец выдал:

– Ну, Вика! Ты даешь...

Вика расценила его тон как недовольство и поспешила извиниться:

– Прости, пап. Не надо было мне лезть, да? Просто...

– Все хорошо, дочурка! – внезапно оборвал речь дочери отец, – Врать полиции, конечно, нехорошо. Но в нашей ситуации другого варианта и быть не могло. Так что ты молодец! – сказал отец, – Ложись, отдыхай! Путь не близкий.

Машина наконец тронулась. Путь действительно был не близкий и изнурительный. Полноценно поспать так и не получалось: то встряска, то повороты, то остановки... Несколько раз останавливались заправиться, перекусить, сходить по нужде, затем снова в путь.

Целый день в дороге. Но вот он, финиш. Отец сообщил, что на горизонте нужный поворот и новое место. От Вики слышался вздох облегчения. Но как назло, последние метры, как водится, даются тяжелее всего. Ведь ту самую грунтовую дорогу зимой очень сильно заметало снегом. Преодолеть можно только на снегоходе, лыжах или на крыльях. Последние были только у Вики, и то она еще не умела ими пользоваться. От того мучиться, откапывая машину, пришлось всем. Пока ехали, увязали в снегу раз пять. К моменту прибытия к пункту назначения все трое готовы были упасть без чувств.

Уже тогда всем стало понятно, что для того, чтобы тут выжить, придется трудиться в поте лица. Но никто не думал, что вот так сразу с места да в карьер. Впрочем, как видно, это было только начало.

По приезду на место погода испортилась. Поднялась метель.

«Холодина какая! Мы тут сдохнем, как мамонты! А сил даже на то чтобы принять красивую позу нет!» – думала Вика.

Изучение участка свели к беглому осмотру: летняя веранда, кухня, сарай, баня, туалет, являющийся памятником деревянному зодчеству, и, конечно же, двухэтажный деревенский бревенчатый дом. Всё было без особых изысков и прикрас. Для одного-двух человек дом был бы вполне уютным, но семье из трех человек было в нем тесновато. На первом этаже располагалась небольшая гостиная со столом, шкафом для посуды и самодельным рукомоёмиком у двери. Утварь осталась от прошлого владельца, также как изрядно рассохшиеся деревянные лавки и табуретки. Далее две гостевые комнаты, а также кладовая под лестницей. Отапливался дом камином и каменной печью, на которой можно было готовить еду. На втором этаже была одна большая комната и кладовая-сушильная для трав у печной трубы. Там же был и склад припасов в откосе крыши за фальшивой стеной.

Вся обстановка представляла собой смесь спартанской строгости и провинциального минимализма. Везде были голые деревянные стены и, кроме шкафа, стола и лавок, мебели нигде никакой не было. Всё, что было более-менее ценно, бывший хозяин заранее продал. То, что оставил – можно было назвать скорее старым хламом. Хорошо, что одноместные кровати и тумбочки отец заранее привёз.

Пока отец и дочь разгружали машину, мать спешно затопила печь и принялась готовить еду. С дороги все были очень уставшие, но холод и голод хорошо мотивировали к тому, чтобы не расслабляться раньше времени.

«Боже, какой же кайф быть сытой и в тепле!» – думала Вика, уплетая яичницу. Впрочем, аналогичные мысли были у всех. У всех троих на лицах читалось облегчение и умиротворение. Наевшись от избытка чувств Вика подошла и обняла родителей. Те лишь улыбнулись в ответ немного усталыми улыбками.

Простое счастье в этих новых условиях, граничащих со спартанскими, приобретало особую ценность. Вика это поняла сразу.

Дело было к трем часам ночи, когда все, наконец, улеглись отдыхать. Дом поскрипывал, сдерживая удары ветра и зимней вьюги за окном, а в печи изредка потрескивали дрова.

Вике отдали весь второй этаж, который пока был почти полностью завален сумками и тюками. В ее распоряжении была только старая кровать, столик и керосиновая лампа.

Перина была не менее старой, чем кровать, и очень жесткой. Даже когда для мягкости добавили одеял, это лишь отчасти улучшило ситуацию.

«Это вам не ортопедический матрас, что был дома! Завтра все будет болеть... – уныло думала Вика, устраиваясь в полумраке, – Тяжко тут будет!»

Отходя ко сну, Вика все еще была под впечатлением. Тотальная изоляция и дикая природа – это школа реальной жизни и очень суровое испытание. Сможет ли она тут выжить и не сойти с ума? Ответом была прописная истина, что не раз говорила Мила: время покажет.

Глава 7. Первый полет

История первого полета – это история Викиной борьбы с собой. С ее собственной ленью, неуверенностью в себе и грустью от неудач. История взросления ее личности. А еще история познания смысла терпения, труда и сильных эмоций.

На новом месте Вика могла выходить на улицу без опаски. Хотя первые пару дней это было непривычно. Но свобода никогда не бывает бесплатной, кто бы что ни говорил. За возможность выходить на улицу и любоваться красотой неба, солнца и звезд приходилось платить отсутствием друзей и прежней жизни. Но особенно задумываться на эту тему, как и любоваться красотой этих мест, было некогда. В первое же утро после переезда на Вику в полной мере свалились новые обязанности. Вся жизнь в этих местах была заранее продумана родителями и состояла из трех основных ветвей: хозяйство, учеба по школьной программе и предполетные тренировки.

Семь утра. На улице еще теснота хоть глаз выколи. Эрке без стука входит к Вике:

– Вика! Просыпайся!

– А? Что? Мам? Сколько времени?

– Какая разница? Подъем тебе говорят! Сегодня весь день расписан. Сначала заготавливаемся на пару дней вперед, потом тренировки!

– Блин! Ну только приехали! Спала как на камнях... Я не могу так сразу! Дай хоть выспаться! – начала ныть и канючить Вика.

– Хорошо, спи! – спокойно ответила мать и отвернулась уходить, – Только вот дрова заканчиваются! А на улице двадцать градусов мороза! Даже не знаю проснешься ли ты, если печь потухнет.

– Я уже встала!

Вот так через не могу приходилось вникать в новую среду обитания. Натаскали дров, потом несколько часов готовили еду и заготовки. Только Вика подумала, что можно отдохнуть и пойти снова прилечь в кровать, как мать тут как тут:

– Ты куда это? Пошли расчищать площадку и тренироваться!

– Ты издеваешься?

– Ничуть! Давай-давай!

Еще в Горно-Алтайске по Викиным ночным пробам подняться в воздух, родители поняли, что сама она не взлетит. А поскольку они не желали для своей дочери судьбы страуса, пингвина или любой другой не летающей птицы, то решили придумать ей методику тренировок, благодаря которой дочь должна была полноценно научиться летать. С учетом наличия у нее крыльев было бы глупо от этого отказаться! Благодаря знаниям матери, инженерному опыту отца, а также материалам по орнитологии, биологии и физкультуре, скачанным из интернета, был рожден вполне пригодный план с пошаговым расписанием тренировок. Кроме упражнений он содержал весь спектр ухода за крыльями, включая даже чистку перьев. Хоть докторскую защищай!

Отец спозаранку занимался проверкой генератора, проводки и прочих технических вещей, а к полудню уже собрался и попрощавшись с домочадцами, уехал. Ему требовалось продолжать работать в городе. Приезжал он теперь только раз в две недели. Иногда чаще.

Мать оставалась с Викой на новом месте постоянно. Работу в городе ей пришлось передать заместителю, а самой переучиваться на егеря, проводника, а также познавать охотничье ремесло. Однако смена директорского кресла на домик в лесу спокойствия не добавило. Забот стало больше и в одиночку с таким хозяйством, как егерский участок мать справиться была не в силах. Вика была нужна буквально постоянно, как правая рука, что она сразу и ощутила.

С первых же дней Вика поняла, что мать круто поменялась. Если раньше она была мягче по отношению к Вике, а отец играл роль ограничителя и был строже, то теперь все изменилось с точностью до наоборот. Теперь в обществе мамы было не до баловства. Спуску не давала во всех смыслах, все по расписанию и планам. Если надо, значит надо – и точка! Исключениями были здоровье и погода, остальное в расчет не шло.

Каждое утро теперь начиналось очень рано. Просто потому, что дел было слишком много, а светлое время зимой ограничено. Первым подавал голос будильник. Но Вика его выключала и валялась дальше до тех пор, пока мать не поднимет ее криком на весь дом: «Вика, подъем, быстро!» Это было как освежающий душ и кофе в одном флаконе.

И начиналось: завтрак, чистка снега, заготовка дров, приготовление еды, уничтожение мусора, подготовка запасов и прочие дела, которые всё прибавлялись. Еще засветло они с матерью ходили осматривать егерские владения, чтобы вовремя заметить браконьеров, нашествие диких зверей, пожар или катаклизмы и сообщить в инспекцию. Это теперь был обязательный ритуал. Зимой это можно было делать не так тщательно и только по смотровым площадкам, но время и силы все же отнимало.

По возвращению начинались тренировки. В основном пока физические упражнения. Родители, проявив свой научный интерес, справедливо предположили, что для того, чтобы летать, Вике нужно укрепить и развить основные группы мышц. Например, взмахи крыльев должна выдерживать спина, а при посадке нагрузка идет на ноги и поясницу. Мускулатура крыльев соседствует и, скорее всего и работает, вместе с руками. Так что все эти группы мышц требовалось раскатать.

Все было под контролем со стороны матери. Она пристально следила и отмечала изменения, а также за тем, чтобы дочь не перенапрягалась: если дочурка чересчур уставала, выполняла упражнения уже из последних сил – останавливала процесс, давала отдых, либо меняла нагрузку и нагружали другие группы мышц. Комплекс упражнений был разбит на отдельные группы и включал не только стандартные силовые упражнения – отжимание, растяжки, гантели, бег с нагрузкой или с препятствиями, прыжки, – но и упражнения для крыльев. Например, сначала Вика отрабатывала мах крыльев на резкость или продолжительность, а позже совмещала махи с прыжками, а бег выполняла с полностью расправленными крыльями – чтобы научиться выдерживать сопротивление воздуха.

Не забывала Эрке и про массаж. При такой нагрузке не только нужно было разминать зажатости, но и расслаблять отекавшие мышцы. Она много успела начитать материалов, но практические навыки приходилось познавать в моменте. Сказать, что Вика по началу даже боялась массажа от матери – это ничего не сказать. Для нее это было сперва как пытка. Впрочем, Эрке не была самодуром и постоянно спрашивала Вику об ощущениях и исправляла свои ошибки. Поэтому постепенно ситуация изменилась к лучшему.

Спустя три месяца тренировок, совмещая махи с бегом и прыжками, Вика начала отрывать от земли примерно на полтора метра и некоторое время могла парить. Впрочем пока что с горем пополам, так как крылья пока ее не удерживали и по сути постоянно жестко приземлялась на ноги, либо и вовсе падала. Ушибы и синяки украшали ее ноги, руки и попу почти постоянно.

Вике было ужасно тяжело. Как и у любого начинающего спортсмена, вначале ничего не получалось. Она еле трепыхалась и не могла даже скоординировать движения. Уставала зверски, но упорно повторяла раз за разом. Злилась, что не получается, но продолжала. Эрке же, будто всю жизнь не экологией занималась, а атлетов тренировала, без конца подбадривала и подгоняла Вику:

«Чего, уже устала?!», «А ну-ка еще раз! Не можешь? Тогда еще пять раз!», «Ты вчера сделала больше, а сегодня филонишь! На исходную!».

Успехи уже были, но до реальной попытки полета, ей надо было стать еще сильнее. В идеале помимо своего собственного веса Вика должна была поднимать груз хотя бы в пятнадцать-двадцать килограммов полезной нагрузки, а лучше даже больше.

С учетом постоянного давления матери, Вике в первые месяцы казалось, что она топчется на месте. Проскакивали мысли: «Я какой-то глупостью занимаюсь, а не летать учусь!», «Замотала меня уже своими пробежками и прыжками! Похоже она сама не знает, что сделать чтобы я полетела!», «Папка, ну почему ты не учишь меня?! Ты же обещал!». Впрочем, дальше скрытого ворчания, нытья и мелких конфликтов она не шла. Обсудить с матерью сомнения тоже не пыталась, чтобы не нагнетать обстановку. Ведь видно было, что она старается и все это ради нее, а не просто ради какой-то садистской забавы. Пока еще теплилась вера в лучшее.

Еще одной проблемой был мороз. Вика вообще была теплолюбивая и бегать по трескучему морозу часами не привыкла. Хотя, казалось бы, живет на Алтае и должна быть привыкшей, но нет. Приходилось пересиливать себя, чтобы находиться на улице по несколько часов подряд.

На помощь пришла русская баня и закаливание. В самом начале было дико: париться в почти стоградусной парилке и потом обливаться холодной водой. Но довольно скоро Вика втянулась и вместе с матерью голышом с довольным визгом прыгала в снег. Благо баня на участке была одним из наиболее качественно сделанных сооружений после дома. Вода была подведена под землей прямо из колонки. Отдельный титан и печь, обустроенная парная, душ и место отдыха. Популярность этого места была стопроцентная.

По вечерам от физических упражнений переходили к упражнениям умственным. Нагоняли школьную программу. Тут мать отрывалась по полной программе. Особенно когда заметила, что больше половины из того, что Вика учила раньше, когда ходила в школу, она попросту зазубрила, чтобы сдать. И благополучно забыла. Или не разобралась и наплевала. Но мать знала, что Вика не глупа, а просто лентяйничает. Оттого в этих вопросах терпеливо и упорно заставляла дочь разбираться и работать. Но не давила на нее, как при полётных тренировках. Индивидуальные занятия были куда продуктивнее, чем любые групповые и школьные. Результаты сразу же пошли в гору.

Спустя три месяца тренировок начали всплывать проблемы, как физические, так и моральные.

На физическом уровне потребовалось больше калорий и ухода за крыльями. Нужно было менять рацион. Большие физические нагрузки требовали не легкого перекуса, а основательного питания. Так Вика, всегда любившая легкий завтрак или чай по утрам, небольшой обед и в меру сытный ужин – перешла на овсяную кашу или злаковые завтраки с орехами утром. На обед – супы и мясные блюда. Вечером немного сладкого и более легкие блюда, чтобы не нагружать желудок на ночь. Днем по ходу тренировок, часто ела орехи. Они давали достаточно энергии и от них есть хотелось меньше.

С крыльями всё было куда интереснее. Пока Вика сидела дома, не напрягая их, ничего серьезного не было. Но когда начались стабильные нагрузки и упражнения, обнажился ряд проблем, который присущ только человеку с крыльями. И первой, самой яркой, стал пух. Это был настоящий кошмар! Он, как нечёсанные волосы, сворачивался колтунами. Свалывшийся пух мало того, что мерзко выглядит, так еще ужасно зудит и лезет, как шерсть у кошек. Не говоря уже о запахе при смеси с потом. К весне Вика вообще начала линять и выглядела, как растерзанная перьевая подушка. Ее перемещение по дому или участку можно было отследить по дорожке из выпавшего пуха. Он был абсолютно везде: на одежде, в кровати, скапливался вдоль плинтусов и по углам в доме, даже если Вика старалась за собой убирать. Чтобы с этим хоть как-то бороться, его приходилось вычесывать специальной щеткой. Иногда вырывать. Это было неприятной процедурой, сравнимой по ощущениям с выщипываем бровей или даже депиляцией. Чистить перья тоже было крайней необходимостью. Ведь пыль, грязь, вода или

мокрый снег – все это, попадая между перьями, так там и оставалось. Из-за этого крылья попросту теряли свои летные качества, ухудшался их внешний вид и здоровье. Перья становились твердыми, тяжелыми, а сами крылья сложно управляемыми и будто испачканными воском.

В летнее время аналогичной проблемой стало удаление насекомых. Казалось, будто клещи, мошки, слепни, комары, даже осы и прочие вредители только и мечтали поселиться в крыльях. У птиц для чистки есть клюв. Вике же приходилось использовать подручные средства, что было не всегда удобно. Мыть крылья под душем с мылом можно было строго по расписанию. Щелочь пагубно действовала на кожу крыльев и сами перья. Об этом догадались только тогда, когда кожа под перьями уже стала шелушиться, словно перхоть, а сами перья стали сухими, будто прожжёнными, и потеряли летные качества. Родители снова полистали орнитологию и выяснили: крылья нужно чистить особым образом. Самым частым способом очистки мог быть метод выдувания грязи, а также сухая чистка (зимой – повалиться в сухом снегу и отряхнуться, а летом – в специальном песке, а затем требовалось продуть песчинки).

При ежедневных нагрузках душ Вика принимала каждый день. Но крылья приходилось защищать дождевиками. Едва ли Вика представляла, сколько проблем появится вместе с крыльями. Но ничего не поделаешь, новая жизнь вносила свои коррективы.

Но если с любой физической проблемой можно справиться, то с эмоциональным состоянием дела обстояли куда сложнее.

Вика, резко расставшаяся с детством при переезде в эту глушь, не была готова ко всему, что на нее свалится. Взросление не проходило без проблем, поэтому с мамой часто случались бытовые и семейные конфликты. В особенности мать заметила, что Вика часто «витаает в облаках» или попросту филонит. Даже зная планы по хозяйству и дела, что обсуждали накануне – делает вид что забыла или не замечает, пока ей не скажут. Также ее беспокоило и раздражало то, что Вика стала огрызаться и психовать. В городе все это было не заметно, ведь Вика часто была предоставлена обществу и школе, а с родителями общалась лишь по вечерам. И все вроде было в норме. Но здесь, вся ее жизнь была как на ладони, вместе с ее ленью, импульсивностью и раздражительностью. Все это вызывало недоумение. Эрке тоже не скрывала раздражения: работы валом, а Вика пух чешет по полдня, потом потренируется, а остаток дня ерундой занимается, потому что вроде как устала... В отсутствии отца все чаще вспыхивали скандалы:

– Вика, ты помнишь, о чем я тебя просила?

– Да-да, сейчас пойду!

– Куда ты пойдешь? – строго сказала мать и посмотрела на дочь, которая в это время пялилась в телефон со скучающим лицом. Она выхватила трубку и бросила на стол, затем продолжила, едва ли не срываясь на крик, – Ты помнишь, что надо помочь мне свет в туалете починить и убрать вещи в сарай, а потом еще съездить на третью точку?

– Да помню я, чего ты кричишь?

– Да ничего!!! Потому что пока тебя не пнешь, не полетишь!!! – крикнула Эрке, – Что я с тобой как нянька, постоянно контролировать должна?! Сама что ли не понимаешь, что надо следовать плану и помогать! А не сидеть и ждать команды!

– Слушай, мне надоели твои планы! Неужели нельзя просто спокойно сказать и я сделаю всё?

– Да я устала тебе уже всё говорить!

– Я тоже устала! А тебе, будто наплевать... – обиженно сказала Вика и со слезами ушла к себе, где около часа лежала лицом в подушку и плакала. Мать села за стол и долго пыталась успокоиться.

Вика действительно уставала, но далеко не всегда физически, скорее всё же морально. День за днем она выворачивалась наизнанку, а результата все не было. День за днем перед глазами только мама и время от времени – папа. Энтузиазм начинал угасать. Иногда вечерами

она подолгу сидела в комнате одна. Иногда ее пробивало на слезы. Грусть порождала мысли сдаться:

«Да ну все это к черту! Кого я обманываю?! Я пожелала ведь только крылья, а не умение летать! Может, потому и не получается...» – думала она, но матери почти ничего не говорила, держа все в себе. Зима в одиноком домике была испытанием для всей семьи. И нервы у всех были на пределе.

Для отца это было периодом беспросветных будней и недосыпа. Он зашивался на работе, отдавал почти всю выручку семье, а все выходные, по сути, проводил в дороге, так как надо было и продукты, и вещи привозить, чем-то помогать по хозяйству, да и семью навещать. Иначе Вика с матерью рисковали вообще забыть его в лицо. На этой почве он очень сильно похудел и осунулся, чем обеспокоил домочадцев. Для поддержки отца, Эрке и Вика резко забывали про свои конфликты и старались для него всем чем могли.

Дискомфорт ощущали все. Но в те нечастые моменты, когда семья собиралась полным составом, о нем удавалось забыть. Чтобы не унывать, иногда, оставив дела, они все вместе играли, ходили на лыжах, устраивали праздники и веселились. Самым любимым было построить снежный замок или поиграть в снежки. Тут Вике не было равных. Научившись сносно подпрыгивать, махая крыльями и хорошо приземляться, она подскакивала и атаковала родителей целой очередью снарядов. От ответного огня ее защищали все те же крылья, когда она их сворачивала куполом.

Еще при приездах отца, помимо общего чаепития, Вика очень любила смотреть с ним на ноутбуке фильмы и засыпать на диванчике рядом. Они усаживались все втроем на диван после трудного дня, включали фильм или сериал и обняв отца с двух сторон смотрели, пока обе не засыпали у него на плечах. Григорию потом было настоящей проблемой встать, не уронив обеих, но само действие согревало его сердце.

Временем примирения, семейной идиллии и веселья стали каникулы и встреча Нового Года, когда отец приехал на целую неделю. Уже сам факт, что семья в полном составе, добавлял праздничного настроения. Рутинные обязанности по дому отошли на второй план. На маленькой опушке за участком всей семьей выбрали пушистую ель и украсили самодельными игрушками. Вика охотно помогала отцу жарить шашлыки, а матери – топить баню. После бани, игр в снегу, шашлыков и пышного застолья в последнюю минуту уходящего года каждый из них загадал своё желание. Вне всяких сомнений, в тот момент оно у всех троих было одно: чтобы Вика, наконец, научилась летать. Но, разумеется, друг другу о загаданном желании никто не сказал. Чтобы сбылось.

Этот Новый Год Вика точно запомнит. Жгучий мороз за окном переносится легче, когда рядом любимые люди. Но всё-таки чуть-чуть не хватало города. И салюта. Такого оглушительного и безумно яркого... Раньше в Новый Год они всей семьей смотрели, как запускают фейерверки, либо запускали сами, когда собирали друзей или бывали в гостях. Вика очень любила салюты. И Григорий конечно же об этом помнил. Но здесь, в заповедной зоне, салют устраивать нельзя. Режим особый: патруль засечет не только нарушение тишины и безопасности заповедника, но может обнаружить и сизокрылого Ангела... Но как для любимой дочурки и не сотворить чуда в Новый Год? Просто невозможно! Еще в городе он обдумал свой подарок для дочери и его воплощение в реальность. Всё подготовить нужно было незаметно. Ведь если сюрприз обнаружится раньше времени, это будет уже не сюрприз...

Покричав «ура» наступившему году и поздравив друг друга, они покинули праздничный стол. Отец позвал всех на улицу, чтобы зажечь бенгальские огни возле красавицы-ёлки, и хитро подмигнул Вике. Она прямо засветилась от любопытства:

«Папка что-то задумал! Сюрприз? Уже хочу!»

Сразу же с порога окружило бездонное тёмное небо, и даже с опушки среди деревьев ощущалась его холодная бесконечность. Воздух словно обжигал мириадами кристальных иго-

лок, то ли слетевших с заснеженных веток, то ли поднимавшихся от пушистых сугробов. Зажгли бенгальские огни. Сквозь их шипение и треск из дома едва слышно доносились звуки музыки. Внезапно на самой макушке украшенной ели вспыхнул огонёк. И, как в детских мультфильмах, ёлка зажглась гирляндой ярких огней. Их сияние и переливы сразу заворожили Вику. Но это было только начало! Огнями гирлянд зажглось соседнее дерево. Да так лихо вспыхнуло, будто в его ветвях салют рассыпался! Потом ещё, и ещё... И вот уже вокруг ёлки словно танцевал бесшумный фейерверк! Хотя почему бесшумный?! Он танцевал под музыку! Никто под впечатлением даже не заметил, как отец включил ее громче в открытом окне. Это была просто феерия! Зажигалось то одно дерево, то другое, то загорались все вместе, то мерцали под музыку в случайном порядке. Вика была в полном восторге и даже прослезилась, обнимая родителей:

– Папка! Обалдеть! И когда ты только успел?! – Отец улыбнулся и пожал плечами: «ну, мол, как-то так, сам не знаю». Он сам был в восторге от проделанной работы, как ребенок. Лишь в шутку сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.